

Наследие

A graphic of a hockey stick, positioned diagonally, with the blade pointing towards the bottom right corner.

Я сказал тебе еще давным-давно...
Ты та самая девушка. Однажды я женюсь на тебе.

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Эль Кеннеди
Наследие
Серия «Love&Game»
Серия «Вне кампуса»
Серия «Запретное желание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68049493
Наследие: [Роман] / Эль Кеннеди: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145385-5, 978-5-17-150592-9

Аннотация

Четыре истории. Четыре пары. Три года реальной жизни после выпуска...

Свадьба.

Предложение.

Побег.

Беременность.

Для Гаррета и Ханны, Логана и Грейс, Дина и Элли, Такера и Сабрины жизнь после университета оказывается не совсем такой, как они себе представляли. Конечно, они есть друг у друга, но еще у них есть проблемы, к которым годы обучения в Брайаре их не готовили. К счастью, для этих пар любовь – это самое простое. Повзрослеть оказывается уже сложнее.

Содержание

Часть первая	6
Глава один	6
Глава два	18
Глава три	31
Глава четыре	39
Глава пять	52
Глава шесть	63
Глава семь	72
Глава восемь	78
Глава девять	87
Глава десять	98
Часть вторая	103
Глава один	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Эль Кеннеди

Наследие

Elle Kennedy

THE LEGACY

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Copyright © 2021 THE LEGACY by Elle Kennedy

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

Дизайн обложки Екатерины Елькиной

* * *

«Эль Кеннеди захватит ваши чувства с самого первого предложения! Восхитительная, страстная и до боли нежная, «Сделка» – покорит ваше сердце!»

Кэти Эванс, автор бестселлеров по версии New York Times

«Еще больше крутых хоккеистов от Эль Кеннеди? Да, пожалуйста! «Ошибка» – приятная и достойная того, чтобы лишить вас чувств, книга, способная заставить фанатов бросить свои сердца на каток».

Сарина Боуэн, автор бестселлеров по версии USA Today

«Эль Кеннеди всегда удастся заставить нас улыбнуться, рассмеяться и упасть в обморок. «Счет» –

именно то, что нам нужно».

Totally Booked Blog

Умный, сексуальный и неотразимый, я влюбилась в силу и терпение Такера. А слова, сказанные им в спальне, заставили меня упасть в обморок и начать искать билеты на хоккейный матч!»

Ви Киланд, автор бестселлеров по версии New York Times

«Как раз в тот момент, когда я решила, что эта серия уже не может быть лучше, нам преподносят еще одну часть остроумной, чувственной, безупречно написанной серии о притяжении противоположностей».

Natasha Is a Book Junkie

Часть первая

Договор

Глава один

Логан

- Она точно меня оценивает.
- Ко-о-о-онечно, братан.
- Она все еще смотрит сюда! Она меня хочет.
- Да ни за что такая горячая, юная штучка не станет смотреть на такого старика, как ты.
- Мне всего двадцать восемь!
- Серьезно? Да ты еще древнее, чем я думал.

Я подавляю смех. Последние двадцать минут я подслушивал разговор этой троицы биржевых маклеров. Не знаю, действительно ли они биржевые маклеры, но на них сшитые на заказ костюмы, и они пьют дорогой ликер в финансовом районе города, так что, скорее всего, они работают в этой сфере.

Я – я неуклюжий спортсмен в рваных джинсах и свитере «Андер Армор», сидящий с бутылкой в конце барной стойки. Мне повезло найти свободное место. Бостонские ба-

ры переполнены посетителями, отдыхающими после работы или учебы. Трое парней, за которыми я шпионю, едва взглянули в мою сторону, когда я опустился на соседний стул, что позволило мне подслушать их дурацкий разговор.

– Итак, какой там финальный счет у Бейкера? – спрашивает один.

Он и его блондинистый приятель изучают своего темно-волосого друга – того, «древнего».

– Восемь процентов, – говорит первый.

Блондин более щедр.

– Десять.

– Давайте возьмем среднеарифметическое – девять. Это шансы девять к одному.

Хотя, может, они и не финансисты. Я пытаюсь понять, что это за расчеты, но они кажутся совершенно произвольными и не основанными на математике.

– Да пошли вы оба. У меня гораздо больше шансов, – протестует Бейкер. – Вы видели эти часы? – Он поднимает левую руку, чтобы продемонстрировать блестящие «Ролексы».

– Девять к одному, – настаивает первый. – Или так, или никак.

«Мистер Ролекс» раздраженно ворчит, бросая деньги на стойку. Двое других следуют его примеру.

Из того, что я услышал, их игра выглядит примерно так:

Шаг первый. Один из них выбирает девушку в баре.

Шаг второй. Двое других просчитывают – это слово я ис-

пользую для описания их действия – шансы на то, что первый получит номер телефона.

Шаг третий. Они бросают на стойку наличные.

Шаг четвертый. Парень подходит к девушке и неизбежно получает отказ. Он теряет деньги, которые поставил, только лишь затем, чтобы вернуть их себе в следующем заходе, когда двум другим также отказывают.

Вся игра бессмысленна и глупа.

Я потягиваю пиво, забавляясь тем, как «мистер Ролекс» неторопливо подходит к потрясающей девушке в облегающем дизайнерском платье.

Она морщит нос при его приближении, это говорит мне о том, что его приятели вот-вот выиграют немного денег. Может, на этих парнях и дорогие костюмы, но они и близко не стоят к той лиге, к которой принадлежит девушка. А девушки этой лиги, как правило, не терпят незрелых придурков, потому что знают, они могут позволить себе лучшее.

Мистер Ролекс возвращается с плотно сжатой челюстью. Ни с чем.

Его друзья улюлюкают и сгребают свой выигрыш.

Как раз в тот момент, как блондин собирается выбрать новую жертву, я опускаю свой пинтовый бокал на барную стойку и говорю, растягивая слова:

– Могу я сыграть?

Три головы поворачиваются в мою сторону. Мистер Ролекс смотрит на мою одежду и ухмыляется.

– Да уж, извини, приятель. Тебе эта игра не по карману.

Закатив глаза, я вынимаю свой бумажник и просматриваю его, дав им возможность рассмотреть наличку внутри.

– Испытайте меня, – любезно предлагаю я.

– Ты все это время подслушивал нас? – спрашивает блондин.

– Сложно сказать, что вы шептались. И, как бы там ни было, мне нравятся азартные игры. Неважно, в чем азарт, я в игре. Учитывая это, каковы мои шансы... – Мой пристальный взгляд медленно обводит переполненный зал. – С ней, – заканчиваю я.

Вместо того чтобы проследить за моим взглядом, три пары глаз остаются прикованными ко мне.

Несколько долгих мгновений они оценивающе смотрят на меня, как будто пытаюсь понять, не морочу ли я им голову. Поэтому я поднимаюсь и подхожу ближе к троице.

– Посмотрите на нее. Огонь. Думаете, такой засранец, как я, сможет получить ее номер?

Мистер Ролекс первым ослабляет бдительность.

– Ее? – спрашивает он, не очень сдержанно кивая на симпатичную девушку, заказывающую напиток у бармена. – Ты о Маленькой Мисс Невинность?

Он не ошибся. В ней определенно есть какая-то невинность. Изящный профиль позволяет увидеть веснушки, а светло-каштановые волосы не собраны в сложную прическу, как у некоторых других цыпочек тут. Несмотря на ее обтя-

гивающий черный свитер и короткую юбку, она больше похожа на девушку, живущую по соседству, чем на сексуальную кошечку.

Темноволосый фыркает.

– Ага, удачи с ней.

Я вскидываю брови.

– Что, считаешь, у меня нет шансов?

– Чувак, посмотри на себя. Ты типа качок, да?

– Либо так, либо жрет стероиды, – хрипит блондин.

– Я спортсмен, – подтверждаю я, но не вдаюсь в детали.

Очевидно, эти ребята не фанаты хоккея, иначе они узнали бы во мне последнего из новичков Бостона.

А может, и нет. Не то чтобы я часто появлялся на льду с тех пор, как перешел из низшей лиги в профессионалы. Я все еще пытаюсь показать себя перед своим тренером и товарищами по команде. Хотя в прошлой игре я сделал голевую передачу, и это было круто.

Но было бы еще круче забить самому.

– Да, такая милая штучка будет слишком напугана, – сообщает мне мистер Ролекс. – Шансы того, что ты получишь ее номер... двадцать к одному.

Его приятели соглашаются.

– Шансы – двадцать пять процентов, – говорит один.

И снова их расчеты бессмысленны.

– А что, если я хочу больше, чем ее номер? – бросаю я вызов.

Блондин хихикает.

– Хочешь знать свои шансы на то, что поведешь ее домой?

Сто к одному.

Я снова смотрю на брюнетку. На ней черные замшевые ботильоны на каблуках, одна нога закинута на другую, пока она изящно потягивает свой напиток. Она чертовски симпатичная.

– Две сотни баксов на то, что меньше чем через пять минут ее язык будет у меня в глотке, – хвастаю я с высокомерной улыбкой.

Мои новые друзья разражаются недоверчивым смехом.

– Ну да, конечно, братан, – хохочет «мистер Ролекс». – Если ты вдруг не заметил, женщины в этом заведении – высший класс. Ни одна не станет контактировать с тобой на публике.

Я уже кладу на стойку две сотни.

– Боишься моего сексуального мастерства, да? – поддразниваю я.

– Ха! Ну, ладно. Поддерживаю, – говорит блондин, кладя две купюры поверх моих. – Двигай задницей и получи отказ, Любовничек.

Я беру свой стакан и допиваю остатки пива.

– Жидкое мужество, – говорю я троиче, и «мистер Ролекс» закатывает глаза. – А теперь смотрите и учитесь.

Подмигнув, я удаюсь.

Ее внимание мгновенно фокусируется на мне. Губы в на-

меке на улыбку, пусть и застенчивую. Твою мать, у нее славные губы. Полные, розовые и блестящие.

Когда наши взгляды встречаются, кажется, что все остальные в баре исчезают. У нее красивые, выразительные карие глаза, и прямо сейчас в них читается сладкий голод, от которого мое сердце бьется сильнее. Я попадаю в поле ее притяжения, мои ноги ускоряются по собственной воле.

Секунду спустя я уже рядом, приветствую ее грубым:

– Привет.

– Привет, – отвечает она.

Ей приходится откидывать голову, чтобы взглянуть на меня, потому что она сидит, а я возвышаюсь над ней. Я всегда был крупным парнем, но с тех пор, как начал играть в хоккей на более профессиональном уровне, я прибавил в весе еще больше.

– Могу я купить тебе выпить? – предлагаю я.

Она поднимает свой полный бокал.

– Нет, спасибо. У меня уже есть.

– Тогда я куплю тебе следующий.

– Следующего не будет. Я себе не доверяю.

– Почему?

– Я худая. Пьянею с одного бокала. – Ее губы чуть изгибаются. – После двух начинаю вести себя плохо.

Будь я проклят, если мой член не дергается при этих словах.

– Насколько плохо? – спрашиваю я, растягивая слова.

Хотя она вспыхивает, от ответа не уходит.

– *Очень* плохо.

Я ухмыляюсь ей, затем быстрым, преувеличенным жестом подзываю бармена.

– Еще один напиток для дамы, – говорю я.

Она смеется, и от этого мелодичного звука по моей коже пробегают мурашки. Меня безумно влечет к ней.

Вместо того чтобы занять пустой стул рядом, я остаюсь стоять. Но чуть приближаюсь, и ее колено легонько задевает мое бедро. Клянусь, я слышу, как ее дыхание прерывается от легкого прикосновения. Я оглядываюсь и замечаю, что мои новые друзья наблюдают за мной с глубоким интересом. «Мистер Ролекс» выразительно постукивает по своим часам, как бы напоминая мне: часики тикают.

– Послушай... – Я склоняюсь к ее уху, чтобы она могла меня слышать. На этот раз я вижу, как у нее перехватывает дыхание. – Мои приятели считают, что мои шансы получить твой номер – двадцать пять процентов.

В ее взгляде пляшут черти.

– Вау. Не очень-то они в тебя верят, а? Мне жаль.

– Не стоит. Я выигрывал споры и покруче. Но... Позволь мне поделиться с тобою тайной. – Мои губы задевают ее ухо, когда я шепчу: – Я не хочу твой номер.

Она вздрагивает от удивления, быстро переводит взгляд на меня.

– Не хочешь?

– Неа.

– А чего ты хочешь? – Она берет свой бокал и делает то-ропливый глоток. Я думаю, она допьет свой бокал через секунду.

– Я хочу поцеловать тебя.

Она испуганно смеется.

– Ага. Ты так говоришь, потому что надеешься, что если я это сделаю, то ты можешь доказать своим друзьям, что ты не лузер.

Я вновь оглядываюсь через плечо. «Мистер Ролекс» самодовольно ухмыляется.

Он снова постукивает по часам. Тик-так.

Мои пять минут почти вышли. Мои собственные часы говорят, что у меня осталось две минуты.

– Нет, – говорю я. – Я хочу поцеловать тебя не поэтому.

– О, правда?

– Правда. – Я облизываю свою нижнюю губу. – Я хочу поцеловать тебя потому, что ты самая красивая девушка в этом баре. – Я пожимаю плечами. – И очевидно, что ты хочешь того же.

– С чего ты так решил? – спрашивает она с вызовом.

– Ты неводишь глаз с моих губ с того момента, как я подошел к тебе.

Она щурится.

– Видишь, в чем дело. – Я легонько провожу кончиками пальцев по ее тонкой руке. Я не касаюсь кожи, и все же

она явно дрожит. — Мои приятели считают тебя «Маленькой Мисс Невинностью». Они предупредили меня, что такой как я тебя напугает. Такой грубый и невежливый. Но знаешь, что я думаю?

— Что? — ее голос едва слышен.

— Я думаю, тебе нравятся грубые и невежливые. — И вновь я склоняюсь ближе. Замечаю крошечную бриллиантовую сережку, и не могу удержаться от того, чтобы не коснуться ее кончиком языка.

Еще один резкий вздох, и я чувствую прилив удовлетворения.

— Я вовсе не думаю, что ты невинна, — продолжаю я. — Я не считаю тебя хорошей девочкой. Я думаю, прямо сейчас ты больше всего хочешь поцеловать меня, провести ногтями по моей спине и позволить мне трахнуть тебя прямо тут, на глазах у всех.

Она издает громкий стон.

Дерзкая ухмылка появляется на моем лице, когда она обхватывает мой затылок и склоняет мою голову для жесткого поцелуя.

— Ты прав, — шепчет она мне в губы. — Я вовсе не хорошая девочка.

Член у меня встает еще до того, как она целует меня. А когда она скользит языком меж моих разомкнутых губ, настает моя очередь стонать. На вкус она словно джин и секс, и я жадно целую ее в ответ, все это время осознавая, что во-

круг нас раздается громкий свист. Я уверен, что некоторые из них издают мои приятели биржевые брокеры, но я слишком занят, чтобы насладиться их изумлением.

Пока мой язык скользит по ее языку, я нежно вклиниваюсь ногой меж ее мягких бедер. Даю ей почувствовать, как я напряжен.

– О, боже, – бормочет она. Прерывает поцелуй, ее глаза сверкают чистым желанием. – Давай уйдем отсюда и уединимся?

– Нет, я хочу тебя сейчас. – Мой голос хрипит.

Она смаргивает.

– Сейчас?

– А-а-а-га. – Я опускаю одну руку на ее тонкую талию, двигая ладонью в дразнящей ласке. – Я слышал, в дамской комнате есть большие отдельные кабинки...

Она кладет ладонь на середину моей груди. Не для того, чтобы оттолкнуть меня. Она тоже дразнит меня, тогда как ее горячий взгляд блуждает по всему моему телу. Затем она склоняет голову и спрашивает:

– Что скажет об этом твоя девушка?

Я грязно улыбаюсь ей.

– Она скажет... «Скорее, Джон, я хочу кончить». – Грейс снова стонет.

– Так я и думал, – дразню я, но моя девочка не выглядит расстроенной.

Иногда сложно поверить, что когда-то она была нервной,

болтливой первокурсницей, с которой я однажды познакомился в ее общежитии. Милая Грейс Айверс, в которую я влюбился, эта девушка передо мной – сексуальная мегера, которая позволит мне трахнуть ее в уборной.

Конечно, Грейс выбрала этот бар и изучила, насколько чисто в уборной, прежде чем согласиться на сегодняшнюю ролевую игру. Так что она все еще та странная девушка, с которой я познакомился много лет назад. Просто так совпало, что еще она – моя горячая, изголодавшаяся по сексу девушка.

Я беру ее руку и стягиваю со стула. У меня все еще каменный стояк, и мне нужна разрядка. Судя по ее прерывистому дыханию, она так же возбуждена, как и я.

– Так что ты скажешь? – спрашиваю я, потирая ее ладонь большим пальцем.

Грейс стоит на цыпочках в своих ботильонах на высоком каблуке, и прижимается губами к моему уху.

– Скорее, Джон, я хочу кончить.

Я подавляю отчаянный смешок, когда следую за ней в коридор. Прежде чем мы проходим мимо двери, я бросаю через плечо последний взгляд. Биржевые брокеры смотрят на меня раскрыв рот, будто я – пришелец с другой планеты. Я указываю на деньги и щедро киваю, как бы говоря: «Оставьте себе».

Мне не нужна победа в каком-то идиотском пари. Я уже самый счастливый человек в баре.

Глава два

Логан

– Тебе действительно не нужно было этого делать, – настаивает отец Грейс, когда я опускаю на место капот его внедорожника. – Не то чтобы я не ценил это, но я чувствую себя настоящим идиотом, заставляя тебя заниматься физическим трудом в канун Рождества.

Я провожу чистой тряпкой по подбородку, чтобы стереть полоску машинного масла, и изо всех сил стараюсь не рассмеяться. Мне чертовски нравится Тим Айверс, но есть что-то очень смущающее во взрослом мужчине, который говорит «идиот».

За четыре года, что я встречаюсь с его дочерью, я по пальцам одной руки могу перечислить случаи, когда этот человек ругался, и это резко контрастирует с моим собственным воспитанием. Я вырос с отцом-алкоголиком, каждое второе слово которого было ругательством. Моей бедной маме однажды пришлось пойти на встречу с детсадовским воспитателем, потому что я назвал другого ребенка «гребаным уродом». О, что это были за деньки... Очень плохие, несчастливые дни.

К счастью с тех пор все изменилось. Мой отец трезв уже

почти четыре года, и хотя мы еще не помирились, я, по крайней мере, уже не ненавижу его.

Если быть честным, в последнее время я воспринимаю отца Грейс, как своего собственного. Он достойный человек, если игнорировать тот факт, что предпочитает футбол хоккею. Но никто не идеален.

– Тим. Чувак. Я не позволю своему близкому человеку платить деньги за замену масла, когда я могу сделать это бесплатно, – сообщаю я ему. – Я вырос, работая в нашем гараже. Я могу заменить масло с закрытыми глазами.

– Уверен? – настаивает он, поправляя на переносице свои очки в тонкой оправе. – Ты же знаешь, я не стал бы пользоваться положением, сынок.

Сынок. Проклятье. Каждый раз это так меня трогает. Нет никаких оснований для того, чтобы Тим звал меня так. Мы с Грейс не женаты. Когда мы только начали встречаться, я считал, что он из тех людей, которые называют «сынком» всякого юнца. Но нет. Только меня. И не могу отрицать, что мне это нравится.

– Знаю, что не стал бы, почему и предложил, – уверяю его я. – И как я сказал ранее, даже не думай больше идти к этим своим жадным механикам. Мой брат позаботится о твоей машине. Бесплатно.

– Как там твой брат? – Отец Грейс запирает машину, прежде чем направиться к двери гаража.

Я выхожу вслед за ним на подъездную дорожку, где мое

лицо тут же охлаждает морозный воздух. Хотя снега в Гастингсе этой зимой еще не было, Грейс говорит, что прогноз обещает его завтра. Идеально. Люблю снег на Рождество.

– Джефф в порядке, – отвечаю я. – Велел мне пожелать тебе счастливых праздников. Они сожалеют, что не смогли выбраться на ужин сегодня.

Мой брат и его жена, Кайли, в этом году проводят праздники в Мексике с ее семьей. Это сороковая годовщина ее родителей, поэтому они решили устроить грандиозный праздник в солнечном месте. Моя мама и отчим, Дэвид, присоединятся к нам сегодня вечером, поэтому будет, наверное, весело. Мы с Грейс всегда наслаждаемся, наблюдая за ее строгим отцом, молекулярным биологом, когда он разговаривает с моим невероятно мягким отчимом-бухгалтером. В прошлом году мы поспорили, сколько скучных тем они смогут обсудить за один вечер. Грейс выиграла, поставив на двенадцать. Я угадал десять, но недооценил новое увлечение Тима старыми бутылками из-под молока и новую коллекцию фарфоровых слонов Дэвида.

– Жози тоже сожалеет, что не смогла приехать, – говорит Тим, имея в виду мать Грейс, живущую в Париже. Несмотря на то что Тим и Жози развелись много лет назад, они все еще близки.

В отличие от моих предков, которые не могут находиться в одной комнате даже сейчас, когда мой отец больше не пьет. Мы с Грейс столько раз обсуждали, что будем делать, когда

решим пожениться: «когда», не «если», потому что ну в самом деле! Мы созданы друг для друга, и оба это знаем. Но мы стрессуем по этому поводу, поскольку не знаем, как быть со свадебными приглашениями. В конце концов мы решили, что, вероятно, сбежим, чтобы избежать всей этой драмы, поскольку мама ни за что не придет на свадьбу, если там будет отец.

Не то чтобы я стал ее осуждать. Во время замужества отец превратил ее жизнь в настоящий ад. Она годами имела дело с пьяными истериками, горячками и реабилитационными периодами, в промежутках самостоятельно пытаюсь вырастить двух сыновей. Удивительно, что нам с Джеффом удалось простить его.

– Ты еще не знаешь, позволит ли твое расписание поехать с Грейс в Париж этим летом? – спрашивает он, когда мы оглябаем угол дома, направляясь к широкому крыльцу.

– Все зависит от того, как команда покажет себя в плей-оффх. Было бы заманчиво провести два месяца в Париже. Но это значит, что я не буду играть в послесезонный период, а это отстой.

Тим смеется.

– Вот видишь, если бы ты играл в футбол, сезон закончился бы в феврале, и ты бы смог поехать...

– В один прекрасный день, сэр, я привяжу вас к стулу и заставлю смотреть хоккейные матчи, пока у вас не останется выбора, кроме как полюбить этот вид спорта.

– Все равно не сработает, – весело отвечает он.

Я ухмыляюсь.

– Вы должны больше верить в мои способности к пыткам.

В тот момент, когда мы подходим к ступеням крыльца, у обочины перед домом останавливается большой коричневый фургон. На секунду я чувствую замешательство, думая, что это мама и Дэвид, пока не замечаю логотип сервиса доставки.

– Они все еще занимаются доставкой? – удивляется Тим. – В шесть часов вечера накануне Рождества? Вот бедолаги.

И правда. Курьер выглядит измотанным и замученным, когда бежит по тропинке к нам. В одной руке у него картонная коробка, в другой – массивный телефон.

– Привет, народ, – говорит он, когда добегает до нас. – Счастливых праздников, извиняюсь, что беспокою. Вы – моя последняя доставка на сегодня... это для Грейс Айверс?

– С праздником, – говорит Тим. – Это моя дочь. Она внутри, но я могу позвать, если нужна ее роспись.

– Не стоит. Сойдет подпись любого члена семьи. – Он передает Тиму телефон и пластиковую ручку. После того как отец Грейс ставит свою подпись, курьер прощается с нами и спешит обратно к своему грузовику. Без сомнения, жаждет добраться домой и увидеть семью.

– От кого это? – спрашиваю я.

Тим проверяет обратный адрес.

– Без имени. Указан только почтовый ящик в Бостоне.

Пакет – примерно два на два фута, и когда Тим передает его мне, я замечаю, что он не очень тяжелый. Я щурюсь.

– Что, если это бомба?

– Она взорвется, мы умрем, и атомы, из которых мы состоим, найдут себе новое применение где-нибудь во вселенной.

– И с Рождеством нас всех! – говорю я с преувеличенной праздничной жизнерадостностью, прежде чем закатить глаза. – Вы – настоящий зануда, сэр, вы это знаете?

– Что это такое? – требовательно спрашивает Грейс, когда мы входим в гостиную большого викторианского дома.

– Без понятия. Только доставили. – Я протягиваю коробку. – Это тебе.

Грейс мило прикусывает губу, как делает всякий раз, когда думает. Ее взгляд перемещается к красиво украшенной елке и груде идеально упакованных подарков под ней.

– Не думаю, что ее можно положить туда, – наконец решает она. – Мой обсессивно-компульсивный синдром не позволит мне дожить до завтрашнего утра, зная, что тут есть какая-то глупая коробка, которая не выглядит волшебной.

Я фыркаю.

– Могу упаковать ее, если хочешь.

– Упаковочной бумаги не осталось.

– Возьму газету. Или пергамент.

Моя девушка пристально смотрит на меня.

– Представим себе, что ты этого не говорил.

Ее отец смеется. Вот же предатель!

– Ладно, тогда открой ее прямо сейчас, – говорю я. – Мы даже не знаем, от кого это, так что, технически, это может быть неофициальный рождественский подарок. На пятьдесят процентов я уверен, что это бомба, но не беспокойся, красotka, твой отец заверил меня, что после взрыва нам найдется иное предназначение.

Грейс вздыхает.

– Иногда я тебя не понимаю.

Затем она бросается на кухню за ножницами.

Я восхищаюсь ее задницей, которая отлично смотрится в ярко-красных легинсах. К ним она надела красный в белую полоску свитер. Ее папа одет в такой же свитер, но только зеленый с красным, с глупым изображением северного оленя, которого я принял за кота, когда увидел впервые. Очевидно, мать Грейс связала для него эту ужасную вещь, когда их дочь была еще маленькой. Как человек, у которого не было семейных праздников, я вынужден признать, что мне очень нравятся странные рождественские традиции.

– Ладно, давайте посмотрим, что там. – Голос Грейс звучит взволнованно, когда она разрезает полоску упаковочной ленты на коробке.

Что касается меня, то я – настороже, потому что не полностью исключил мысль, что это может быть нечто опасное.

Оно открывает картонную крышку и вынимает маленькую записку. Хмурит брови.

– Что там? – требовательно спрашиваю я.

– Тут написано «Скучаю».

Моя настороженность взлетает на десять футов выше. Что за черт? Кто, черт возьми, посылает моей девушке подарки с открытками, на которых написано «Скучаю»?

– Может, это от твоей мамы? – делает предположение Тим, глядя так же озадаченно. Грейс лезет внутрь и роется в море упаковочной бумаги. Она хмурится сильнее, когда нащупывает что-то внутри. Мгновение спустя ее рука появляется с добычей. Все, что мне видно, – пятна синего, белого и черного, прежде чем Грейс, взвизгнув, роняет это, будто оно обожгло ей ладонь.

– Нет! – стонет она. – Нет. Нет. Нет. Нет, нет, нет, *нет*. – Ее разъяренный взгляд обращается ко мне. Она тычет пальцем в воздух. – Избавься от него, Джон.

О, боже. Осознание приходит, когда я подхожу к коробке. Теперь я вполне представляю, что там может быть, и – да.

Это Александр.

Отец Грейс хмурит лоб, когда я достаю из коробки фарфоровую куклу.

– Что это? – требовательно спрашивает он.

– Нет, – все еще повторяет Грейс, указывая на меня. – Я хочу, чтобы этого тут не было. Немедленно.

– Что именно я должен сделать? – вмешиваюсь я. – Выбросить?

Она бледнеет от этого предложения.

– Нет, этого делать нельзя. Что, если он разозлится?

– Конечно, он разозлится. Посмотри на него. Он постоянно зол.

Сдерживая содрогание, я заставляю себя посмотреть на лицо Александра. Поверить не могу, что прошло почти семь благословенных месяцев с тех пор, как я его видел. Если уж говорить о жутких антикварных куклах, то эта будет во главе списка. С фарфоровым лицом, настолько белым, что оно кажется неестественным, у него большие безжизненные голубые глаза, странно густые черные брови, крохотный красный рот и черные волосы с экстравагантными залысинами. Он одет в голубую тунику с белым носовым платком, в черный пиджак и шорты и блестящие красные туфли.

Это самая жуткая вещь, которую я когда-либо видел.

– Вот что, – говорит Грейс. – Не общайся больше с Гарретом. Я серьезно.

– В его защиту, это все начал Дин, – подчеркиваю я.

– И с ним тоже не общайся. Общайся с Такером, я знаю, он ненавидит все это так же, как я.

– Думаешь, *мне* это нравится? – Я уставился на нее. – Да ты посмотри на это! – Я машу Александром перед Грейс, которая пригибается и уклоняется, лишь бы не попасть под его болтающиеся руки.

– Я не понимаю, – ошетиливается Тим, протягивая руку к кукле. – Это феноменально! Посмотрите, как это сделано. – Он восхищается куклой, в то время как мы с его дочерью

плящимся на него в ужасе.

– Черт возьми, папа, – вздыхает Грейс. – Теперь и ты коснулся его.

– Это немецкое производство? – Он все еще рассматривает Александра. – Похоже на немецкое. Деятнадцатый век?

– Меня очень беспокоит ваше знание старинных кукол, – откровенно говорю я. – И мы не шутим, сэр. Положите его, пока он вас не запомнил. Для нас уже слишком поздно... Нас он уже знает. Но у вас еще есть время спастись.

– От чего?

– Он одержим, – мрачно отвечает Грейс. Я киваю.

– Иногда он вам подмигивает.

Тим проводит пальцами по подвижным векам.

– Этому механизму сотни лет. Если глаза открываются и закрываются сами собой, это, скорее всего, просто износ.

– Прекрати его трогать, – умоляет Грейс.

Действительно. Он что, желает умереть? У *Гаррета* это желание точно есть, потому что он очевидно хочет, чтобы я убил его при следующей нашей встрече. Я люблю Гаррета Грэхема как брата. Он мой самый близкий друг. Товарищ по команде. Он, мать его, потрясающий. Но проверить такое с нами на Рождество?

Конечно, я злоупотребил тем фактом, что у меня есть запасные ключи, чтобы несколько месяцев назад протащить Александра в дом Гаррета и его подруги на день рождения Ханны. И тем не менее.

– Вы не против, если я сделаю фото и попытаюсь выяснить его стоимость? – спрашивает Тим, гикнутый академик в нем поднимает голову.

– Не стоит беспокоиться. Он стоит четыре тысячи, – любезно отвечаю я.

Его брови взмывают.

– Четыре *тысячи* долларов?

Грейс кивает.

– Еще одна причина, по которой мы не можем выбросить его. Кажется неправильным выбрасывать такие деньги.

– Дин купил его пару лет назад на каком-то аукционе антиквариата, – объясняю я. – В описании было сказано, что кукла одержима, так что Дин счел ржачным подарить куклу дочери Така, которая тогда была еще младенцем. Сабрина взбесилась, так что она дождалась приезда Дина и Элли спустя пару месяцев и заплатила кому-то в их отеле, чтобы куклу оставили у них на подушке.

Грейс хихикает.

– Элли сказала, Дин вопил как девчонка, когда включил свет и увидел там Александра.

– А теперь это идея фикс, – заканчиваю я с полуухмылкой-полувздохом. – Мы отправляем Александра друг другу в тот момент, когда никто этого не ожидает.

– А что сказал продавец? – с любопытством спрашивает Тим. – У куклы есть предыстория?

Грейс качает головой.

– Папа. Прекрати называть его «куклой». Он тебя слышит.

– С ним была какая-то информационная карточка, – отвечаю я, пожимая плечами. – Не помню, у кого она сейчас. Но главное, его зовут Александр. Он принадлежал мальчику по имени Вилли, который умер в Калифорнии, примерно во времена «золотой лихорадки». Очевидно, вся семья умерла от голода, кроме Вилли. Бедолага днями брел в поисках помощи, пока не упал в овраг и не сломал ногу, он лежал там, пока не умер от переохлаждения.

Грейс содрогнулась.

– Они нашли его прижимающим Александра к груди. Чокнутый продавец кукол сказал, что прямо перед смертью душа Вилли вселилась в Александра.

Тим распахивает глаза.

– Боже. Чертовски мрачно.

Челюсть у меня падает.

– Сэр. Вы что, выругались?

– А как удержаться? – Он кладет Александра обратно в коробку и закрывает крышку. – Почему бы не отнести его на чердак? Джин и Дэвид будут тут через минуту. Не стоит показывать его им.

Решительно кивнув, Тим Айверс выходит с коробкой в руках. Я честно не знаю, то ли он серьезен, то ли подшучивает над нами.

Мои губы кривятся от сдерживаемого смеха, когда я поворачиваюсь к Грейс.

– Александр изгнан на чердак. Так лучше?

– Он все еще в доме?

– Ну да...

– Тогда нет. Так не лучше.

Ухмыльнувшись, я хватаю ее за талию и притягиваю к себе. Затем опускаю голову и касаюсь губами ее губ.

– А сейчас? – бормочу я.

– Немного лучше, – уступает она.

Когда я снова целую ее, она прижимается ко мне, обвивая руками мою шею. Черт возьми. Как я скучаю по этому в поездках. Я знал, что жизнь профессионального хоккеиста не проста, но не представлял, как буду скучать по Грейс всякий раз, уезжая из города.

– Ужасно, что ты опять уезжаешь, – говорит она мне в губы. Очевидно, ее мысли созвучны моим.

– Всего лишь на пару дней, – напоминаю я.

Она закусывает губу и прижимается щекой к моей груди.

– Все равно слишком долго, – говорит она так тихо, что я едва слышу ее.

Я вдыхаю сладкий запах ее волос и прижимаю ее ближе. Она права.

Это ужасно долго.

Глава три

Грейс

Через несколько дней после Рождества Логан отправится в пятидневную поездку на выездные игры на Западном побережье. И, конечно же, он их не пропустит, потому что конфликтующие графики – это для нас сейчас практически образ жизни.

В школе начинаются праздничные каникулы, и я дома? Логан – в отъезде.

У Логана пара свободных вечеров и он дома? Зато я застряла в кампусе университета Брайар в Гастингсе, в сорока пяти минутах езды от нас.

Мы выбрали наш уютный, из коричневого камня особняк именно потому, что он находится ровно на полпути между Гастингсом и Бостоном, где играет команда Логана. Тем не менее зимы в Новой Англии непредсказуемы, так что, если погода дерьмовая, на работу и обратно мы часто ездим вдвое дольше, а это сокращает то драгоценное время, что мы проводим вдвоем. Но до моего выпуска это компромисс, который устраивает нас обоих.

К счастью, я официально оканчиваю учебу в мае, и мы с нетерпением ждем момента, когда найдем новое жилье в Бо-

stone. Хотя... Не знаю, что мы будем делать, если я устроюсь на работу *не* в Бостоне. Мы даже не обсуждали эту возможность. Очень надеюсь, что нам и не придется.

Хотя наступили зимние каникулы, университетское радио и телевидение по-прежнему работают и вещают как обычно, так что через день после отъезда Логана я еду на работу. В этом году я – менеджер радиостанции, а это большая ответственность... И множество межличностных недоразумений. Постоянно приходится иметь дело с толпой индивидуальностей и трудных «одаренных» личностей. Сегодняшний день – не исключение. Я разрешила несколько небольших конфликтов, в том числе выступила посредником в споре о личной гигиене между Пейсом и Эвелин, соведущими самого популярного радио-шоу Брайара.

Единственное светлое пятно в моем беспокойном утре – поздний завтрак с моей бывшей соседкой по комнате Дейзи. Когда, наконец, приходит время встретиться с ней, я понимаю, что практически бегу всю дорогу до кофейни.

Каким-то чудом она заняла для нас маленький столик в конце зала. Огромный подвиг, учитывая то, что кофейня всегда набита битком, независимо от дня и времени суток.

– Привет! – радостно говорю я, снимая пальто.

Дейзи вскакивает обнять меня. Она славная и теплая, потому что согрелась в помещении, а я после своего холодного путешествия по кампусу – словно ледяная статуя.

– Бр! Ты замерзла! Садись, я заказала тебе латте.

– Спасибо, – отвечаю я с благодарностью. – У меня всего лишь час, так что давай сразу поедем.

– Да, мэм.

Мгновение спустя мы уже сидим и просматриваем меню, не очень дорогое, потому что в кафе подают только сэндвичи и выпечку. После того, как Дейзи подходит к прилавку, чтобы сделать наш заказ, мы потягиваем свои напитки в ожидании.

– Ты выглядишь напряженной, – замечает она.

– Так и есть. Последние полчаса я провела, объясняя Пейсу Доусону, почему ему стоит снова начать пользоваться дезодорантом.

Дейзи замирает.

– А почему он перестал им пользоваться?

Я потираю виски, пульсирующие от всей той глупости, с которой мне только что пришлось иметь дело.

– В знак протеста против загрязнения океанов пластиком. Она фыркает.

– Я этого не понимаю.

– Чего тут непонятного? – саркастично спрашиваю я. – Его дезодорант выпускают в пластиковом контейнере. Океан полон пластика. Следовательно, чтобы выразить протест против этого фарса, ему нужно провонять студию.

Дейзи едва не выплевывает кофе.

– Ладно. Я знаю, что он невыносим в работе, но послушай, все, что говорит этот парень, – чистое золото.

– Эвелин наконец-то решила и пригрозила увольнением, если он не станет вновь пользоваться дезодорантом. Поэтому мне пришлось сидеть там и выступать посредником, пока Пейс, в конце концов, не согласился с требованием Эвелин... на том условии, что она пожертвует двести долларов в фонд сохранения океанов.

– Я не знала, что он так заботится об окружающей среде.

– Вовсе нет. Его девушка на прошлой неделе посмотрела какую-то документалку о китах, и, полагаю, это изменило всю его жизнь.

Как только приносят наш заказ, мы продолжаем наверстывать упущенное, жуя бутерброды. Мы болтаем о наших занятиях, ее новом парне, моей новой должности на радио. В конце концов поднимается тема моих отношений, но когда я говорю, что все в порядке, Дейзи видит мое каменное выражение лица насквозь.

– Что случилось? – спрашивает она. – Вы с Логаном поссорились?

– Нет, – уверяю я ее. – Вовсе нет.

– Тогда что произошло? Почему ты такая... «буэ», когда я спросила о вас?

– Потому что все немного «буэ», – признаюсь я.

– В каком смысле «буэ»?

– Просто мы оба очень заняты. А он всегда в разъездах. В этом месяце он был в отъезде больше, чем дома. На Рождество было так хорошо, но так мало. Сразу после праздников

он уехал на игры.

Дейзи с сочувствием смотрит на меня, откусывая свой бутерброд с тунцом. Она жует медленно, глотает и спрашивает:

– А как секс?

– В этом плане все хорошо. – Очень хорошо, на самом деле. В памяти вспыхивает та ночь, когда мы притворялись незнакомцами. Грязные воспоминания порождают горячую дрожь.

Это был отличный секс. Зажиматься на публике не в нашей привычке, но когда мы сделали это... вашу ж мать, это чертовски сексуально. Наша сексуальная жизнь всегда была потрясающей. Думаю, именно поэтому расстояние между нами ощущается так ужасно. Когда мы вместе, все страстно и идеально, как в самом начале. Наша проблема в том, что мы не можем найти время быть вместе. Времени в нашем мире очень мало.

Я не несчастлива с Логаном. Если я чего и хочу, так это больше его. Мне не хватает моего парня.

– Тяжело быть в разлуке, – говорю я Дейзи.

– Могу себе представить. Но каково решение? Не похоже, что он может бросить хоккей. А ты не бросишь колледж, когда осталось всего пять месяцев выпускного курса.

– Нет, – соглашаюсь я.

– И ты не хочешь разрывать с ним отношения.

Я ужасаюсь.

– Конечно, нет.

– Может, вам стоит пожениться.

Это заставляет меня улыбнуться.

– Это твое решение? Пожениться?

– Ну, мы обе знаем, что это случится рано или поздно. – Она пожимает плечами. – Может быть, если бы у вас, ребята, были более прочные обязательства, это облегчило бы вам этот напряженный переходный период. Например, всякий раз, как вы будете чувствовать дистанцию, вам не придется беспокоиться о том, что вы слишком далеко друг от друга, потому что это сверхпрочное основание будет стабильно вас поддерживать.

– Не самая ужасная идея, – признаю я. – И я действительно хочу замуж за Логана, безусловно. Но наша проблема во времени. Даже если мы захотим обручиться, когда мы выкроим на это время? – Я печально вздыхаю. – Мы постоянно заняты или находимся в разных штатах.

– Тогда, думаю, у тебя не остается иного выбора, кроме как смириться с этим, – говорит Дейзи. Она права.

Хотя это трудно. Я скучаю по нему. Мне не нравится возвращаться домой с занятий в пустую квартиру. Мне не нравится включать телевизор в надежде хоть мельком увидеть своего парня. Мне не нравится выматываться перед экзаменами так, что я не в состоянии пойти в кино или поужинать с ним. Мне не нравится, что после особо тяжелых игр Логан возвращается домой и ложится в нашу постель весь в синяках, с натруженными мышцами, слишком вымотанный, что-

бы хотя бы обниматься.

Нам просто не хватает часов в сутках, а теперь все еще хуже, я работаю на радио. Когда я начинала учиться в колледже, я не была уверена, чем хочу заняться после выпуска. Изначально я подумывала о том, чтобы стать психологом. Но на первом году учебы получила работу, связанную с выпуском радио-шоу, и это заставило меня осознать, что мне хочется стать телевизионным продюсером. Если точнее, я хочу заниматься новостями. Теперь, когда я выбрала карьерный путь, стало сложнее прогуливать занятия или отпрашиваться с работы по болезни, если у Логана вдруг выпадала пара-тройка свободных часов. У нас обоих есть обязательства, которые важны для нас. Так что, как и сказала Дейзи, мы просто должны смириться с этим.

– Извини, – говорю я. – Не хотела ныть. У нас с Логаном все хорошо. Просто иногда очень трудно...

На мой телефон приходит уведомление. Я бросаю взгляд на экран и улыбаюсь сообщению Логана. Он написал, что они благополучно приземлились в Калифорнии. Вчера, когда они прилетели в Неваду, он сделал то же самое. Я ценю то, что он всегда вот так отчитывается.

– Секунду, – говорю я подруге, набирая ответ. – Я пожелаю Логану удачи в сегодняшней игре.

Он мгновенно отвечает.

Логан: Спасибо, детка. Очень хочу, чтобы ты была тут.

Я: И я.

Он: Позвоню тебе после игры?

Я: Зависит от того, насколько поздно будет тут, когда ты позвонишь.

Он: Попробуешь подождать допоздна? Прошлой ночью мы говорили минуты две:(

Я: Знаю. Прости. Я выпью сегодня литры кофе, чтобы не спать!

И хотя я сдержала первую часть обещания: наглоталась кофе как черт – когда я вернулась домой из кампуса, от кофеина лишь сильнее хотелось спать. Я еле держусь на ногах. Едва хватает сил, чтобы поужинать и принять душ.

К тому времени, как в полночь Логан звонит мне поболтать, я уже крепко сплю.

Глава четыре

Логан

Грейс: Как прошла пресс-конференция?

Я: Нормально. Напортачил в паре вопросов, слишком долго отвечал. Джи отвечал коротко и весело. Неудивительно, ведь он – старый профи.

Она: Уверена, ты отлично справился <3

Я: Ну, тренер не отвел меня после в сторону, чтобы выгнать, так что, полагаю, я прошел испытание прессой.

Она: Если он тебя выгонит, я надеру ему задницу.

Я улыбаюсь телефону. Я только что вернулся в отель после сегодняшней игры против Сан-Хосе, и все еще чувствую прилив сил. В конце концов истощение обрушится на меня, словно волна, но обычно требуется некоторое время, чтобы адреналин игры покинул меня.

Я: Как бы там ни было, ХОМ.

Она: ХОМ? Я слишком устала, чтобы расшифровывать это.

Я: Хватит. Обо. Мне. Расскажи, как твой день?

Она: Можем поговорить об этом завтра? Я хочу спать.
Час ночи:(

Я смотрю на экран телефона. Проклятье. Конечно, она хо-

чет спать. Здесь всего десять вечера, но на Восточном побережье уже ночь.

Я представляю, какая уютная и теплая Грейс под нашими фланелевыми простынями. В Новой Англии сейчас очень холодно, так что она, наверное, сейчас спит в своих клетчатых пижамных штанах и рубашке с длинными рукавами и надписью «СИЛА БУРУНДУКОВ!». Никто из нас не знает, что это значит, потому что на рубашке нарисован ананас. И на ней точно нет носков. Она спит босиком, какая бы ни была температура, и ее ноги всегда как ледышки. Когда мы сворачиваемся калачиком в постели, она, словно воплощение зла, прижимает их к моим икрам.

Я тру усталые глаза. Черт. Я скучаю по ней.

Я набираю: «Скучаю по тебе».

Она не отвечает. Должно быть, заснула. Некоторое время я в ожидании ответа пялюсь в телефон, но ответа нет. Так что я открываю другую ветку чата и пишу Гаррету.

Я: Выпьем в баре?

Он: Конечно.

Мы спускаемся вниз и находим тихий угол у барной стойки в вестибюле. Тут не таклюдно, так что два наших пива приносят быстро. Мы чокаемся бутылками, и каждый делает глоток: мой – больше, чем его.

Гаррет наблюдает за мной.

– Что не так?

– Ничего, – вру я.

Он щурится с подозрением.

– Клянусь богом, если ты снова начнешь попрекать меня Александром, я отказываюсь слушать. Ты вломился в наш дом и посадил его там, до чертиков напугав Уэллси. Если думаешь, что я стану извиняться за то, что послал тебе его на Рождество, зря надеешься, малыш.

Сдерживая смех, я склоняю голову набок.

– Ты закончил?

– Да. – Он шумно выдыхает.

– Хорошо. Потому что я тоже отказываюсь извиняться. Ты знаешь почему, *малыш*? погоди, мы что, теперь так называем друг друга? Я не догоняю, но ладно, пусть. Как бы там ни было, мы все должны были пострадать от жутких фарфоровых ручек Александра. Просто так совпало, что день рождения Ханны выпал на тот момент, когда пришла твоя очередь мучиться.

Негодование Гаррета растворяется в ухмылке.

– Кому собираешь отправить его дальше?

– Как тебе свадебный подарок для Така? – Наш лучший друг Такер наконец-то женится на матери своего ребенка этой весной, после трех лет жизни в неженатом грехе, словно богохульный мудака. Я немного удивлен, что им с Сабриной понадобилось так много времени, чтобы связать себя узами брака. Они помолвлены целую вечность, но, я думаю, Сабрина сперва хотела окончить юридическую школу. В мае она заканчивает Гарвард.

– Чувак. Нет. – Клянусь, Гаррет бледнеет. – Ты *не станешь* портить людям свадьбу.

– Значит, портить праздники – это честно? – возражаю я.

– В дни рождения и праздники девчонки счастливы и на все согласны. Свадьбы? Они сходят с ума. – Он предостерегающе качает головой. – Сделаешь это с Сабриной, и она оторвет тебе яйца.

Вероятно, он прав.

– Ладно, отправлю его Дину. Он больше этого заслуживает.

– Точно, братан.

Мимо нашего столика неторопливо проходит молодая, симпатичная темноволосая женщина, и, заметив нас, тут же задерживает взгляд. Я готовлюсь к широко распахнутым глазам и пронзительному визгу, мольбе об автографах или селфи с самим Гарретом Грэхемом. Но надо отдать ей должное, она ведет себя спокойно.

– Хорошо сыграли сегодня, – неуверенно говорит она, переводя благоговейный взгляд с меня на Гаррета. Мы оба салютуем бутылками.

– Спасибо, – отвечает Гаррет с вежливой улыбкой.

– Пожалуйста. Хорошего вечера.

Она машет рукой и продолжает идти, ее шпильки стучат по мраморному полу вестибюля. Она останавливается у стойки регистрации, чтобы поговорить с клерком, постоянно бросая быстрые взгляды через плечо на нас.

– Оу, посмотри на это, суперзвезда, – поддразниваю я. – Они уже даже не просят у тебя селфи. Ты стар и вышел в тираж.

Он закатывает глаза.

– Не заметил, чтобы она и у тебя что-то просила, новичок. А теперь ты расскажешь мне, почему я здесь, внизу, пью с тобой вместо того, чтобы нормально выспаться?

Я делаю еще один большой глоток пива, затем ставлю бутылку на стол.

– Я боюсь, Грейс порвет со мной.

Мрачные слова повисают между нами.

Гаррет смотрит потрясенно. Затем его серые глаза смягчает озабоченность.

– Я не знал, что у вас проблемы.

– На самом деле нет. Не ссорились, не злились, не изменяли... ничего такого вообще. Но между нами расстояние, – признаю я. У меня не много людей, к которым я могу обратиться за советом, особенно по поводу проблем с девушками, но Гаррет – хороший слушатель и чертовски хороший друг.

– Расстояние, – эхом повторяет он.

– Да. Буквально и фигурально. И все становится только хуже. Это началось, когда я играл за «Провиденс», но тот график ничто по сравнению с этим. – Я неопределенно обвожу жестом все вокруг. Я даже не могу вспомнить название этого отеля. Черт возьми, иногда ночью я не могу вспомнить,

в каком мы городе.

Жизнь профессионального хоккеиста – не блеск и гламур. Это постоянные разъезды. Куча времени, проведенного в перелетах. Одиночество в гостиничных номерах. Ладно, может быть, это похоже на нытье о том, что бриллиантовые туфли чересчур жмут. Хнык, мать вашу, хнык. Но если забыть о больших деньгах, эта жизнь действительно калечит, как физически, так и морально. И, как выясняется, еще и эмоционально.

– Да, к такому нелегко приспособиться, – соглашается Гаррет.

– У вас с Уэллси были какие-то проблемы, когда ты присоединился к высшей лиге?

– Конечно. Когда ты постоянно в разъездах, отношения становятся напряженными.

Мой палец скользит по наклейке на бутылке пива.

– И как вы их *разряжаете*?

Он пожимает плечами.

– Не могу точно ответить. Мой совет? Проводите время вместе так часто, как можете. Встрейте в столько приключений, сколько...

– Приключений?

– Да, мы с Уэллси в первые несколько месяцев едва выходили из дома. Мы так уставали, что просто сидели и смотрели «Нетфликс», как пара зомби. Это было плохо для нас, и я не думаю, что это было хорошо для отношений, если честно.

Мы сидели дома взаперти. Она брэнчала на своей гитаре, я валялся на диване, и да, иногда приятно просто знать, что она тут, делит с тобой одно пространство.

Я точно знаю, что это значит. Я смотрю телевизор, а Грейс занимается за обеденным столом, я часто смотрю в ее сторону и улыбаюсь маленькой сосредоточенной складке у нее на лбу. Меня подмывает подойти к ней и поцеловать эту крохотную бороздку, разгладить ее губами. Но я оставляю ее работать, улыбаясь сам себе и просто наслаждаясь тем фактом, что она – подле меня.

– Но иногда чувствуешь себя так отчужденно, даже если вы вместе, – продолжает Гаррет. Он делает еще глоток пива. – Вот тогда в отношения нужно привнести новые ощущения. Пойти прогуляться. Поехать в новый район, побывать в новом ресторане. Просто все время создавать общие воспоминания и опыт. Хороший или плохой, все будет сближать вас.

– Мы развлекаемся, – протестую я.

– Например?

Я подмигиваю.

– Например, ролевые игры.

– Неплохо. Но я не говорю о сексе. Секс не мешает, очевидно, но... суть в том, чтобы сделать ее главной в своей жизни. Показать ей, что хоккей – не весь твой мир, пусть даже кажется, что это так. А если все остальное не сработает, неделя на Карибах творит чудеса.

– Чувак, когда ты находишь на это время? У нас едва есть одна-другая ночь, не говоря уже о целой неделе.

– Все реально. На следующей неделе в канун Нового года у нас две свободные ночи, – напоминает он мне. – Рядом с домом есть куча мест, куда можно пойти.

– И правда. В Новой Англии. Зимой.

– *Чувак*, – он кривится. – Скачай приложение. Найдешь кучу маленьких лыжных баз и отелей, и все это в нескольких часах езды.

– Точно. – И Грейс любит кататься...

Я обдумываю это. Скоро у нас будет перерыв, а затем – еще один долгий период выездных игр. Я определенно хочу... нет, мне нужно провести время с моей девушкой перед следующей моей поездкой. Я боюсь, что, если не сделаю этого, расстояние между нами будет только расти. Пока, в конце концов, строить мосты станет уже невозможно.

Когда мы через полчаса расходимся по своим комнатам, я все еще переживаю по этому поводу. К счастью, игра меня отпустила, и теперь я измотан и знаю, что засну, как только голова коснется подушки. Завтра у нас ранний рейс до Феникса.

– Увидимся завтра, – говорит Гаррет, прежде чем завернуть за угол. Комнаты всех членов команды находятся на одном этаже, а Гаррета поселили в другое крыло.

– Увидимся, братан.

Я вытаскиваю из заднего кармана ключ-карту и провожу

ей над дверной ручкой, открывшейся со щелчком. Мне вдруг кажется, будто что-то не так. Входя во тьму, я ясно помню, что оставлял свет включенным, когда отправился на встречу с Гарретом. Теперь тени окутывают меня, заставляя волосы на затылке встать дыбом.

Следующий предупреждающий звоночек – тихий шорох на кровати.

Стоп. А что, если я не в той комнате? Но нет, это невозможно. Я ведь использовал свою ключ-карту, чтобы войти.

– Ну же, суперзвезда. Не заставляй меня ждать всю ночь, – воркует хриловатый женский голос.

Я едва не выпрыгиваю из шкуры. Какого хрена?

Поток адреналина проносится по венам, когда я хлопаю по стене, чтобы включить свет. Вспышка света заполняет комнату, четко освещая обнаженную женщину, раскинувшуюся на моей огромной кровати так, будто она позирует для календаря. Одну руку она закинула за голову, темные волосы каскадом падают на плечо и веером рассыпаются по моей подушке. В глаза бросаются грудь, ноги и изгиб задницы, и лишь потом я заставляю себя взглянуть ей в лицо. Я мгновенно узнаю ее.

Это девица из вестибюля.

– Что за черт! – рычу я. – Как вы сюда попали?

Мой полуночный нарушитель спокойствия ничуть не смущен злостью в моем голосе.

– У меня свои методы, – застенчиво отвечает она.

Я поверить не могу, что все это дерьмо происходит со мной.

Потираю внезапно разболевшиеся виски.

– Слушайте. Я вас не знаю, леди. На что бы там ни рассчитывали, забудьте об этом. Ничего не будет. Вам пора.

Она поджимает губы.

– Ты ведь не серьезно, – хнычет она. – Я твоя самая большая поклонница. Я просто хочу выразить тебе свою признательность.

– Обойдусь, спасибо. – Я скрещиваю руки на груди. – Вы сами уйдете или мне вызвать охрану?

Самодовольный блеск вспыхивает в ее глазах.

– Не думаю, ведь у меня есть возможность покинуть твою постель, дорогой.

Видя мое явное недоверие, она чуть приподнимает голову, чтобы продемонстрировать мне руку, на которой лежит. Или, скорее, запястье, прикованное к изголовью.

Да вы, *мать вашу*, издеваетесь.

Собрав остатки терпения, я спрашиваю:

– Где ключ?

Ее взгляд скользит вниз по ее телу, и грязная улыбка говорит все, что мне нужно знать.

Нет. Нет. Я не буду иметь с этим дело сегодня.

Не говоря ни слова, я прохожу через комнату к кушетке, на которой я оставил свою куртку, затем подхватываю с пола спортивную сумку.

– Ты куда? – шокированная «зайка» вытягивается всем телом.

– Ухожу, – отвечаю я кратко. Иду к двери, бросая через плечо: – Не волнуйся, я сообщу портье, что ты тут.

Последнее, что я слышу перед тем, как захлопывается дверь, это:

– Вернись сюда, Джон Логан!

Не-мать ее-вероятно.

Выйдя в коридор, я бормочу череду ругательств, затем, миновав лифты, топаю к комнате Гаррета. Я слишком устал для этого дерьма. Мысль о том, чтобы спуститься и объяснить ситуацию на стойке регистрации, затем попросить вызвать менеджера, договориться о новом номере, рискуя тем, что они позвонят тренеру или кому-нибудь из руководства для подписания какого-нибудь дерьма. Забудьте. Слишком много усилий, и это будет стоить мне целого часа сна.

– Ты что, преследуешь меня? – ворчит Гаррет, когда открывает дверь, чтобы увидеть меня на пороге. Он без рубашки, бос, одет в одни лишь штаны.

– Сегодня я ночую у тебя, – бормочу я, не вдаваясь в подробности, затем плечом прокладываю себе путь в комнату. Кидаю свои вещи на кресло. – Дай только сперва воспользоваться телефоном.

– Ты это серьезно?

Я игнорирую его возмущение и тянусь к телефону, нажимая кнопку вызова ресепшена.

В ухо мне проскальзывает чрезвычайно настойчивый мужской голос:

– Чем могу служить, мистер Грэхем?

– Здравствуйте, на самом деле это Джон Логан. Товарищ Гаррета по команде. Предполагается, что я должен быть в номере пятьдесят два двенадцать, но там сейчас находится обнаженная женщина, прикованная к моей постели...

Гаррет удивленно кашляет, а затем разражается смехом, который пытается приглушить, уткнувшись в предплечье.

– Поскольку единственный ключ в моем кармане, – продолжаю я напряженным тоном, – единственное, что я могу предположить, ее впустил кто-то из сотрудников. Или она как-то украла ключ. Как бы там ни было, вас это, ребята, не красит.

Гаррет, сев на край кровати, сгибается от смеха.

– О боже, – бормочет клерк. – Мне так жаль, мистер Логан. Мы немедленно пошлем в ваш номер охрану и как можно быстрее вернем вам номер...

– Не стоит. Я останусь у мистера Грэхема, – обрываю его я. – Но да, пошлите, пожалуйста, кого-нибудь туда. Мы вылетаем рано, так что если охране потребуется поговорить со мной, я найду их перед выпиской из отеля.

Без лишних слов я вешаю трубку, что, я знаю, грубо, но сейчас я устал и раздражен и не хочу больше никаких разговоров этим вечером. С кем бы то ни было.

– У тебя найдется лишнее одеяло? – Я киваю в сторону

шкафа, скидывая ботинки.

Гаррет встает проверить. Мгновение спустя – швыряет мне одеяло и подушку, которые я несу к маленькой кушетке у окна. Ноги у меня будут свешиваться, но мне уже все равно. Мне просто нужно поспать.

– Богом клянусь, «зайки» в профлиге – это какой-то новый уровень, – жалею я.

– Эй, это обряд посвящения, чувак. Ты не профи, пока какая-нибудь чокнутая голая девица не ворвется в твой номер в отеле.

Ухмыляющийся Гаррет смотрит, как я устраиваю свою импровизированную постель.

– Добро пожаловать в лигу.

Глава пять

Грейс

«У #уэсми конкуренты?»

Новая пара?

Окей, давайте не будем возлагать на это слишком больших надежд, дамы и господа, но может ли такое быть?? У Райана Уэсли и Джейми Каннинга, любимой пары среди мужских хоккейных красоток Торонто, появились конкуренты? Неужели звездный форвард Бостона Гаррет Грэхем и восходящая звезда Джон Логан ВСТРЕЧАЮТСЯ????!!

Посмотрите на эти фото, просочившиеся из отеля «Сан Хосе Мэрриот», и скажите, что думаете... Два друга невинно делят гостиничный номер или два товарища по команде застигнуты в компрометирующей ситуации после вечерней субботней игры между Сан Хосе и гостями из Бостона???

По официальной версии сумасшедшая фанатка ворвалась в комнату Джона Логана, но наш источник в отеле намекнул на то, что это может быть легенда, чтобы скрыть тот факт, что ГГ и ДЛ на самом деле вместе. «Их заметили у лифтов, они выглядели очень расслабленно, – поведал сайту анонимный источник. – Несколько гостей сказали, что видели их».

А камеры безопасности отеля показали, как пара – о, бже!!!! – тем вечером романтично проводила время в баре за напитками.

О, а мы не забыли упомянуть о том, что и в колледже они были «соседями по комнате»?!

Все, что мы можем сказать, – «ЭТО ТАААК интригует!!! А как насчет вас??! Пишите ваши мнения в комментариях!!!!»

Никогда не думала, что умею так сильно закатывать глаза. Этот сайт не образец журналистского мастерства, но я чувствую, что его содержимое становится все более и более нелепым.

Я кликаю на фото к статье и громко смеюсь.

Два зернистых снимка Логана и Гаррета в лифте, они стоят футах в трех друг от друга. Несколько снимков в баре вестибюля: они чокаются бутылками пива. Потягивают пиво. Хмурят брови и обсуждают что-то. Гаррет ухмыляется тому, что сказал Логан.

Другими словами, это вовсе не компромат.

Тем временем на огромном плоском экране нашей гостинной транслируется игра Бостон – Нью-Йорк. Я поднимаю взгляд от телефона, чтобы увидеть, как по экрану скользит мой парень. Как всегда, в своей форме он выглядит чертовски сексуально.

Мой телефон пикает входящим сообщением. Наш девичий чат не умолкал с тех пор, как Ханна прислала мне ссылку.

ку на эту нелепую статью.

Элли: Почему автор ставит так много вопросов и восклицательных знаков, Это!! Так? Раздражает!!!!??

И это говорит девушка, которая обожает восклицательные знаки.

В ответ на это я смеюсь. Элли встречается с бывшим товарищем по команде Логана, Дином, и, будучи крошечным светловолосым энергичным торнадо, она, как правило, использует в своих сообщениях много восклицательных знаков.

Сабрина: Думаю, более важный вопрос... Что Ханна и Грейс будут делать теперь, когда они знают, что их парни тайно обжимаются в лифтах?

Ханна: Я чувствую себя обманутой.

Я: Реально. Они спали друг с другом все это время, и даже не дали нам на это взглянуть??!?

Ханна:!!!

Сабрина:!!?!!

Элли:!!!!??

Мой взгляд возвращается к телевизору. Все еще так странно видеть Логана по телику. Мужчина, которого я люблю, прямо там, на большом экране, и все его видят. Еще несколько игр вроде сегодняшней, и на плакатах «ГАРРЕТ, Я ТВОЯ!», которые держат девицы повсюду, демонстрируя их прямо в камеры, будет имя Логана.

Логан забил свой третий гол в сезоне в последнюю удар-

ную игру команды. И вот он снова на льду, рвется к воротам. Сердце подпрыгивает к горлу, когда я вижу, как его клюшка посылает шайбу в ворота. Вратарь успевает вовремя. Тьфу. Нью-Йорк перехватывает шайбу и уносится вместе с ней.

Ханна: А если серьезно, Г рассказал мне о девушке, которая пробралась в комнату Логана. Это отвратительно. В последний раз, когда такое случилось с нами, я БЫЛА В КОМНАТЕ, когда подобная девица в нее проникла. Это было в выходные в Нью-Йорке, помните? Элли? Мы еще пошли с твоим папой в ресторан.

Сабрина: В последний раз? А сколько раз чокнутые врывались в номера Гаррета?

Ханна: Пока трижды. Что не так ужасно. Жена Шейна Лукова рассказывала, что у них это было почти чертову дюжину раз.

Элли: Матерь божья. Чокнутые сучки.

Должна признать, когда Логан позвонил мне утром после игры в Сан-Хосе, чтобы предупредить меня о своей незваной гостье, я не была в восторге. Обычно я не ревнива, но мысль о какой-то обнаженной женщине в постели моего парня делает меня слегка... смертоносной. Полагаю, то, что Ханна сказала, будто это не редкое явление, несколько успокоило меня.

Я: Не знаю... А можем ли мы быть уверены, что эта девица вообще БЫЛА? Если верить сайту, это всего лишь прикрытие для отвратительной связи Г и Л.

Ханна: Логично.

Элли:!!?!!!!

Я прощаюсь с нашим чатом, прежде чем убрать телефон и потянуться за ноутбуком. Наш профессор по психологии прислал нам список литературы на следующий семестр, так что я решила начать читать на каникулах. В этом году мне становится все труднее и труднее совмещать учебную нагрузку и рабочие обязанности. Не могу дождаться выпуска.

Я бросаю взгляд на телевизор, чтобы проверить счет, но остаток игры проходит не слишком напряженно. Бостон надирает задницу. Логан получает страшный удар в третьем периоде, но тут же вскакивает на ноги и катится прочь, и я понимаю, что он в порядке.

Вылавливая из динамиков фрагменты послематчевых интервью, я то смотрю в свой ноут, то рассеянно прокручиваю ленту «Инстаграма¹», чтобы посмотреть, что там затеяла мама. Мама целыми днями рисует в своей студии и путешествует, когда не чувствует вдохновения, постоянно размещая фотки своих приключений. Я очень надеялась, что она сможет приехать на Рождество, но у нее было открытие галереи. И теперь я не увижу ее до самого выпуска, когда на пару месяцев поеду к ней в Париж.

Как печально, что моя жизнь настолько беспокойна, что я вынуждена узнавать о делах своей мамы через социальные

¹ Здесь и далее: деятельность метaplatformы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ

сети. Я делаю мысленную пометку позвонить ей завтра. С учетом разницы во времени звонить сейчас слишком поздно.

Сразу после полуночи в дверь, спотыкаясь, входит Логан. Моя любимая часть домашних игр – видеть, как он возвращается домой в более-менее приличное время.

– Эй, красотка, – говорит он, когда замечает меня на диване. После игры он ходил выпить с друзьями по команде, и выражение его лица подсказывает мне, что он пьян.

– Привет. – Я щелкаю пультом, чтобы выключить телевизор, который все это время показывал сериал «Друзья». – Как твоя рука? Удар в третьем тайме выглядел болезненным.

Он сгибает свою скульптурную руку в локте, затем крутит запястьем.

– Все в порядке, – заверяет он. – Я неуязвим.

Он подходит поцеловать меня. Как всегда, в момент, когда наши губы соприкасаются, мое сердце поет.

Я так сильно люблю этого парня. Я обещала себе, что не буду той прилипчивой, плаксивой подружкой, которая скулит и жалуется на то, что ее парень постоянно в разъездах. И, не поймите меня неправильно, я не жалуюсь. Я понимаю, что у него жесткий график, действительно понимаю. Но я все равно ненавижу каждое мгновение нашей разлуки.

– Как твой вечер? – спрашивает он, плюхаясь рядом со мной.

– Скучно. Только и делала, что училась. – Я улыбаюсь ему. – Но стало веселее после того, как Ханна рассказала о

твоей запретной любви к Гаррету.

Логан фыркает.

– Видела эту дурацкую статью, да? Луков показал ее нам в раздевалке после игры, и все подкалывали нас. Наш защитник Хокинс все расспрашивал, когда свадьба. Григор предложил провести церемонию.

– Очень мило с его стороны.

– Вынужден был разбить ему сердце, когда сказал, что свадьбы не будет, как бы ни были хороши минеты Гаррета.

– Вау. Гаррет тратит свое время на то, чтобы ублажать тебя минетами, а ты на нем даже не женишься? Бессердечно, Джонни. Бессердечно.

Он со смехом заваливается назад, приземлившись на локти.

– Да, прости. Но я уже планирую жениться на ком-то другом.

– Правда?

– Правда. – Он ухмыляется. – Кстати, это ты.

– Правда? – повторяю я.

– Правда. – Его глубокие ярко-голубые глаза яростно сияют. – Я сказал тебе еще давным-давно... ты та самая девушка, Грэйси Элизабет. Однажды я женюсь на тебе.

Мои щеки вспыхивают от удовольствия. Логан – не самый романтичный мужчина на планете, но когда он выражает свои чувства, он делает это в полную силу.

– Кто сказал, что я хочу за тебя замуж? – Я с вызовом

склоняю голову.

– Не смей притворяться, будто у нас это не навсегда.

Я не могу сдерживать улыбку. Он прав. Я не такая уж хорошая актриса.

– Это точно навсегда, – твердо говорю я. – Но не забудь. когда мы поженимся, мы сбежим.

– Идеально. Так моя мама не попадет в тюрьму за убийство моего папы, а мы потратим все подаренные деньги на безумный медовый месяц.

– Как бы то ни было, на днях Дейзи тоже говорила, что мы должны пожениться.

– Да? И что ты ей ответила?

– Что даже если мы захотим этого, будет чудом, если мы найдем на это время, – признаю я с самоуничижительной улыбкой.

– О. Мы найдем время. Я обещаю. А теперь иди сюда и расскажи мне, как прошел твой день, – говорит он, притягивая меня к себе.

Я кладу голову на его широкую грудь, пока мы лежим на диване и болтаем о нашем прошедшем дне. Его день, очевидно, был насыщеннее моего. Но Логан слушает, как я описываю новостное шоу, которое продюсирую, так, будто это история, полная открытий и чудес. Он переигрывает, я это знаю. И я знаю, он чувствует себя дерьмово из-за того, что его постоянно нет и он слишком устает, чтобы слушать, как я говорю об учебе или работе.

– Завтра ведь ты не работаешь, да? – спрашивает он, обрывая меня на полуслове.

– Нет, радио закрывается на празднование Нового года. Могу не возвращаться туда вплоть до пятницы.

– Идеально. – В его голосе звучит удовлетворение.

Я сажусь прямо и внимательно изучаю его лицо.

– Почему ты так интересуешься моим расписанием?

Логан не умеет скрывать свои эмоции. Ручаюсь, он сдерживает широкую улыбку.

– Что происходит? – спрашиваю я с подозрением.

– Думаю, вопрос скорее в том, кто куда собирается.

– И что это значит? – Этот парень иногда так раздражает своими загадками. Его счастливая улыбка вырывается на свободу.

– Это значит, что завтра мы уезжаем, – объявляет он, садясь прямо. – Я похищаю тебя на два дня.

Я с удивлением смотрю на него.

– Правда?

– Правда, черт возьми.

– Куда мы едем? – требовательно спрашиваю я.

– Я знаю, а ты узнаешь. – Логан делает паузу. – Ну, на самом деле это не секрет. Мы едем в Вермонт кататься на лыжах.

Я не могу не рассмеяться.

– Да неужели?

Его улыбка тускнеет.

– Поверь мне, я бы предпочел увезти тебя на острова, где ты могла бы носить бикини с завязками, а я бы трахал тебя взглядом весь день, но в пятницу команда вылетает в Хьюстон. Так что два дня в Вермонте – это все, что я могу...

– Два дня в Вермонте – *идеально!* – обрываю я, обхватывая его руками.

Он утыкается носом в мою шею, нежно целуя ее.

– Я нашел нам гостиницу с завтраком недалеко от Киллингтона. Она стоит на отшибе и имеет деревенский антураж, но там очень уютно. О, и там есть частная лыжная горка на соседнем лыжном курорте, которую мы можем использовать.

– Звучит потрясающе.

Когда моя рука приближается к его лицу, Логан прижимается щекой к моей ладони и трется об нее, словно довольный кот.

Мои пальцы перемещаются к его губам, и он дразняще покусывает их.

– Это не модно, – признает он. – Я не смог найти ничего лучше за такой короткий срок, но там есть кровать и камин, а это все, что нам по-настоящему нужно, так ведь?

– Постель и камин... все, что нужно для жизни, – торжественно соглашаюсь я. – Это такой потрясающий сюрприз.

– Ты уверена? – Он с тревогой изучает мое лицо, как будто оценивая мою честность.

– Абсолютно. – Я провожу пальцами по его коротко стри-

женым волосам и смотрю на него с одобрением. – Жду не дожусь.

Глава шесть

Логан

Я с нетерпением жду этой поездки. Конечно, это не тропический пляж, но смена обстановки пойдет нам на пользу, и мне не терпится сбежать от своих обязательств на целых два дня. Никаких утренних коньков, никаких изнурительных игр и болящих ребер. Только я и Грейс, сорок восемь часов без стресса, и никто и ничто не будет нам мешать.

Когда я учился в колледже, я водил потрепанный грузовик, который сам починил. Черт возьми, я перебрал двигатель этой развалюхи дважды. Сейчас я езжу на новом «Мерседесе». Моя зарплата новичка не так велика по сравнению с тем, что получают другие игроки, и все же это больше, чем многие зарабатывают за десять лет.

Но этому новому авто не хватает очарования моей старой машины. Двигатель едва слышен, а когда мы съезжаем с шоссе на неровную грунтовую дорогу, подвеска оказывается столь же эффективной. Внедорожник едва покачивается, когда мы едем по выбоинам.

Несмотря на то что новая машина показывает себя великолепно, я тоскливо вздыхаю.

– Скучаю по своему пикапу.

Грейс оглядывается через плечо.

– Правда?

– Очень. – Мне невыносима была даже мысль о том, чтобы продать его, так что он до сих пор стоит в гараже моего старшего брата. Мы оба знаем, что в конце концов придется избавиться от него, потому что он занимает место, но я еще не готов с ним попрощаться.

– В твоём пикапе не было подогрева сидений, – подчеркивает Грейс. – Это лучшее, что только можно придумать.

– Это правда, – соглашаюсь я.

Уведомление появляется на экране приборной панели. Поскольку мой телефон синхронизирован с машиной, то синхронизированы и текстовые сообщения.

– Это от Дина, – говорит мне Грейс.

– Игнорируй, – бурчу я. – Он и так терроризирует меня и Г по поводу той статьи.

– И ты думаешь, я проигнорирую это? – Она с нетерпением протягивает руку.

После того как она нажимает кнопку на экране, «Сири» начинает читать сообщение Дина.

«Я не понимаю. Мы все были соседями по комнате в колледже. Я даже не подозревал, что вы двое трахаетесь!»

Грейс радостно хихикает.

– Прекрасно слышать это от «Сири». О. Тут есть сообщение от Такера. – Она нажимает «Следующее сообщение».

«Я всегда подозревал. Они так старательно делали вид,

будто они друзья.»

– Потому что мы были друзьями! – рычу я.

– Были? – мило переспрашивает моя девушка.

– И есть, – поправляю я. – Мы были и остаемся друзьями.

Приходит еще одно сообщение от Дина.

«Скрытные ублюдки».

Я нажал кнопку на экране.

– Сири, отправь сообщение в чат «Лучшие друзья навсегда».

Грейс едва не воеет.

– Это у вас так групповой чат называется?

– Да, тебе не нравится? – Я диктую Сири. – Привет, придурки, по крайней мере я не принимал тайком ванну с розовыми фаллоимитаторами. – Самодовольно кивнув, я нажимаю «Отправить». – Вот так. Это заставит их замолчать на какое-то время.

Дорога становится уже, ветер крепчает, заставляя Грейс нахмуриться.

– Где мы?

– Я же говорил тебе. Деревенский антураж.

– Деревенский антураж.

– Ой, да ладно, не смотри на меня так. Мы не будем спать снаружи в палатке. Я говорил тебе, у нас будет огромная постель и ревущий камин. – Я игриво шевелю бровями.

– Ты действительно рассчитываешь купить меня этим камином.

– Потому что он, мать его, потрясающий, я бы хотел иметь такой в квартире.

– Нет, не хотел бы. Они пожароопасны.

– Это ты пожароопасна. – Я подмигиваю ей. – Потому что очень горяча.

Грейс вздыхает.

Следующие пять миль мы треплемся о всякой ерунде, пока Грейс не начинает снова тревожиться.

– Снег пошел сильнее, – говорит она.

Это так. Все начиналось с легких порывов ветра, а теперь снег падает сильнее и заваливает дорогу. Солнце уже зашло, небо черное как смоль, фары «Мерседеса» высшего класса – единственное, что освещает наш путь. Может быть, это и хорошо, что у меня нет больше моего грузовика. Правая фара всегда мерцала, а левая светила слишком бледно. В пикапе бы мы ехали сейчас вслепую. Это был кусок дерьма, хоть мне он и нравился.

– Не думаешь, что нам стоит развернуться? – спрашивает Грейс.

Я бросаю на нее взгляд.

– И поехать куда?

Она закусывает губу.

– Может быть, обратно на трассу?

– До трассы час езды.

– Да, но, если верить навигатору, до отеля еще полтора часа. Технически мы ближе к трассе.

– Мы не можем просто сбежать, – упрекаю я. – Мы не сдаемся, детка.

– Но... – Она смолкает.

– Но что?

– Тут темно и страшно! – Она плачет. – Посмотри в окно, Логан. Такое чувство, будто мы в фильме ужасов.

Она не сильно преувеличивает. За исключением двух желтых полос от фар, дорога темна, а снег все валит. Погода лишь портится. Ветер набрал силу, за окнами режут оглушительные порывы. Неприятно то, что я не слышу чертов двигатель, зато прекрасно слышу проклятый ветер.

– Хорошо, погоди, давай разберемся с этим, – наконец говорю я.

Я щелкаю аварийными мигалками и съезжаю на обочину этой узкой дороги. Хотя мне, наверное, не нужны аварийные огни, учитывая то, что мы давно не видели ни одной машины.

Я хватаю с подставки свой телефон. Там всего две полоски, но их хватает, чтобы загрузить приложение с прогнозом погоды.

– Дерьмо, – говорю я мгновение спустя.

– Что? – Грейс склоняется ко мне и заглядывает в экран.

– Очевидно, сегодня будет метель. Что за черт? Когда я проверял погоду, не было никакой метели.

– А ты... – Она замолкает.

– Что? – требовательно спрашиваю я.

Грейс печально вздыхает.

– Ты проверял погоду в Бостоне или в Северном Вермонте?

Я молчу.

– В Бостоне, – рычу я.

– Детка.

– Прости. Это было глупо. – Я непристойно облизываю губы. – Хочешь отшлепать меня за то, что я плохой мальчик?

В ее глазах вспыхивает искорка вожделения. Я тихо смеюсь. Мы оба знаем, как ей нравится, когда я говорю грязные слова. Я не стесняюсь того, чего хочу и что мне нравится, и Грейс тоже научилась выражать свои желания. Вот почему наша сексуальная жизнь так невероятна.

– Может быть, позже, – отвечает она. Лицо ее становится серьезным. – Давай сосредоточимся. Похоже, сегодня выпадет больше фута снега.

– Они всегда так говорят, и никогда не выпадает столько, – возражаю я.

Пораженная, она вглядывается в темное окно.

– Я не знаю. Снега все больше.

– Так что ты хочешь сделать? Повернуть назад? Потому что я считаю, мы преодолеем снег и доедем до места раньше, чем метель начнется.

Она прикусывает нижнюю губу. Это так чертовски очаровательно. Я чувствую искушение склониться и зацеловать ее.

– Ладно, давай сделаем это, – решает она. – Только не го-

ни, ладно? Хочу добраться туда живой.

– Договорились. Я спасу нас.

Она хихикает.

Я выруливаю обратно на дорогу, и, несмотря на невообразимо дорогие зимние шины, внедорожник действительно заносит.

Грейс взвизгивает.

– Логан!

– Прости. Я не гнал, клянусь. Просто тут скользко. – Я еду дальше с большей осторожностью.

Следующие двадцать минут проходят в молчании. Мы оба сосредоточены на дороге и на ухудшающейся погоде. Перед машиной встала белая стена. Снег, скапливающийся на дороге и на капоте машины, подсказывает, что фут – это не надуманное преувеличение. Что еще хуже, этот район настолько изолирован, что вряд ли здесь бывают снегоуборочные машины или грузовики с солью. В конце концов дорога становится предательски скользкой, и я уже начинаю ползти.

– Джон, – озабоченно говорит Грейс.

– Я знаю, – мрачно отвечаю я.

Но поворачивать уже слишком поздно. Трасса осталась далеко позади. Навигатор говорит, что мы примерно в сорока минутах от отеля, но с той скоростью, с какой мы движемся, мы не доедем туда и за несколько часов.

– Черт, – говорю я. – Будь внимательна. Может, заметим, где можно остановиться.

– Например?

– Не знаю. Мотель? Гостиница?

В ее голосе проскальзывает нотка паники.

– Детка, здесь нет *ничего*. Мы буквально посреди жопы мира... – Она подпрыгивает, когда внедорожник снова заносит.

– Извини. – Мои руки крепко сжимают руль. Я наклоняюсь вперед и пристально вглядываюсь в лобовое стекло, словно старая дама, забывшая дома очки.

– Может нам стоит свернуть к обочине и переждать? – волнуется Грейс.

Я обдумываю.

– Вероятно, это плохая идея. Что, если нас занесет на краю дороги? Я предлагаю двигаться дальше.

– Конечно, давай продолжим двигаться в стремительном темпе ноль миль в час, – саркастично отвечает она. – Доберемся до места к утру.

– Мы доберемся гораздо раньше... – Что-то вдруг пролетает мимо.

Порыв ветра со снегом, понимаю я полсекунды спустя, но уже слишком поздно. Я инстинктивно нажал на тормоз. Слегка, но даже это легчайшее прикосновение посылает машину в занос.

– Твою мать. – Я пытаюсь вырулить из заноса, но шины резко ведет, и на этот раз я не в силах контролировать их. В следующий момент я понимаю, что «Мерседес» несется к

склону у обочины. – Держись! – кричу я, вцепляясь в руль, когда мы вылетаем с дороги.

Глава семь

Грейс

В лучших традициях фильмов ужасов мое колотящееся сердце чуть не выскакивает из груди, когда внедорожник головокруглительно выходит из-под контроля. Когда он, наконец, останавливается, мои руки трясутся, и я чувствую слабость от перенесенного напряжения.

Прижимаюсь лицом к окну. Все, что я вижу, – абсолютная тьма, прерываемая лишь тоненькими полосками фар. Они освещают белую полосу. Вокруг нет ничего, кроме снега. Мы у подножия небольшого холма, но с тем же успехом это может быть и гора. Когда я всматриваюсь туда, где, как мне кажется, должна быть дорога, она кажется невероятно далекой.

Рядом со мной тяжело дышит Логан.

– Ты в порядке?

– В порядке. – Мы ни во что не врезались. Оба целы и невредимы, как и наша машина. – У нас привод на все колеса, верно? Мы сможем вернуться на дорогу?

Он поджимает губы. Оценивает ситуацию.

– Мы можем попробовать. В худшем случае я выйду и подтолкну.

– Ты собираешься *толкать* внедорожник вверх по снеж-

ному склону? – с недоверием спрашиваю я. – Я знаю, что ты большой сексуальный зверь, но...

– Спасибо, детка. – Он издает смешок.

– Всегда пожалуйста. Но я не думаю, что ты достаточно силен для этого.

– Ты слабо в меня веришь.

Я закатываю глаза.

– Тогда докажи, что я не права. Но лучше сделай это сейчас, я хочу попробовать выбраться отсюда до того, как мы умрем.

– Мы не умрем. – Его голос звучит серьезно.

Он переключает передачу с нейтралки и медленно нажимает на газ. К моему большому облегчению машина трогается с места. Хорошо. По меньшей мере мы не застряли в каком-нибудь безвылазном сугробе.

Логан проезжает несколько футов, затем сворачивает к склону. Он не слишком уж крутой, но «Мерседес» одолевает где-то фут, прежде чем начинает пробуксовывать. Логан жмет на газ. Машина не сдвигается ни на дюйм.

– Дерьмо. – Он вновь жмет на газ.

Я чувствую, как работают шины, пытаюсь найти сцепление. Но этого не происходит.

– Полагаю, надо толкать, – смиренно говорит Логан. Пока я сижу с несчастным видом, он откатывается назад и выставляет машину на позицию. – Ладно, красotka. Твое время блистать.

Я слабо смеюсь.

Он застегивает куртку и берет шерстяную шапку с центральной панели. Натягивает ее на голову, затем вынимает из кармана пару перчаток.

– Ну, – объявляет он с кривой усмешкой, – будет не клево.

– Я могу выйти и помочь тебе толкать.

– Нет, мне нужно, чтобы ты рулила и жала на педали.

После того, как он выскакивает наружу, я перебираюсь на водительское сиденье и пристегиваюсь, чувствуя себя из-за этого немного глупо. Но лучше уж чувствовать себя в безопасности, чем потом пожалеть об этом, так ведь? Затем я открываю окно, чтобы слышать его инструкции, и порыв пронизывающе ледяного воздуха бьет мне в лицо.

– Хорошо, – слышу я приглушенный крик Логана. – На счет три жми газ, а я слегка подтолкну. Ладно?

– Ладно, – кричу я в окно.

Он начинает считать.

– Раз... Два... *Три*.

Я вжимаю ботинок в газ. Машина рвется вперед. Фут, два. И она движется дальше.

– Да! – кричу я. – Работает.

Мы уже на полпути вверх.

– Давай! – ободряюще кричит Логан. – Мы сможем, малыш.

– Ты что, назвал меня *малышом*?

– Да, прости. Гаррет оккупировал мою голову! – кричит

он сквозь ветер.

– О боже, неужели так трудно образумиться?

– Забудь об этом. Просто держи ногу на газе. Мы это сделаем.

Он прав. Еще несколько ярдов, и...

Вот только у нас не получается. Я слышу, как Логан громко ругается, а затем машина откатывается назад на несколько футов.

Матерь божья, он все еще сзади машины? Волнение сжимает горло. Что, если я сбила его?

Прежде чем я успеваю моргнуть, машина откатывается туда, откуда мы начали. Проклятье.

Облегчение окатывает меня, когда обветренное лицо Логана появляется в окне.

– Я поскользнулся, – рычит он. – Прости.

– Это мне надо просить прощения, – отвечаю я, тяжело дыша. – Я не успела вовремя нажать тормоза. Я могла убить тебя.

– Давай попробуем еще раз.

– А что, если ты снова поскользнешься? Я не хочу тебя переехать. Ты мне *нравишься*.

Его мускулистая грудь содрогается от смеха.

– Кроме того, я, честно говоря, не думаю, что у нас получится. Давай просто вызовем эвакуатор, – предлагаю я.

– Хорошо.

Логан садится обратно в машину, проскальзывая на пас-

сажирское сиденье. Берет телефон и смотрит в экран. — Дерьмо. Одна полоска. А у тебя?

— Ноль, — весело отвечаю я. — Ты меня обогнал.

Но вместо того, чтобы гуглить номер эвакуатора, он открывает бардачок и начинает рыться там.

— У «Мерседеса» есть сервис помощи на дорогах, — отвечает он на мой вопросительный взгляд.

— Занятно.

— Номер должен быть где-то тут. — Он наконец находит бумагу. Набирает номер. Когда кто-то отвечает, он диктует номер договора и объясняет ситуацию. Дает наши координаты, слушает несколько мгновений, а потом закатывает глаза.

— Они велели подождать, — говорит он.

И пока мы ждем, звонок срывается из-за слабого сигнала, так что он вынужден перезванивать и повторять все с начала.

— Я только что звонил, — рычит он после того, как ему задают кучу вопросов. — Кто-то уже проверял информацию, когда звонок сорвался и... — Он сдерживает ругательство и бросает взгляд на меня. — Он велели мне подождать.

Я хихикаю.

На этот раз звонок не срывается, но ответ нас не радует.

— Утром? — вскрикивает он. — Seriously?

— Мы загнемся к утру, — шиплю я.

Логан улыбается мне.

— Мы не умрем к утру... Нет, нет, извините, я говорил со своей девушкой. Но это слишком долго. Ну, же, чуваки.

Вы должны прислать сюда кого-то раньше. Мы застряли у подножья холма посреди снежной бури. – Он делает паузу. – Я понимаю, что сейчас канун Нового года. – Он замолкает на мгновение, а потом рычит, словно разгневанный зверь. – Мать их, они велели мне подождать.

Глава восемь

Логан

Шесть часов. Диспетчеру службы помощи на дорогах удалось сократить время нашего ожидания с двенадцати часов до шести. И это фантастика, за исключением того, что мы все равно застряли тут до трех утра.

Похоже, Новый год мы будем встречать в нашей машине. Хотя другого выбора у нас нет. Мы застряли и ни за что не выйдем из машины. Я видел, что бывает в фильмах. Ничего хорошего не случается, если выйти из машины в метель. Снаружи стремно. Внутри «Мерседеса» хорошо и уютно. По крайней мере, пока.

Хотя у нас больше половины бака бензина, я не хочу испытывать судьбу, так что поворачиваюсь к Грейс и предлагаю:

- Давай пока его выключим.
- Ты про обогрев? – Она смотрит с ужасом. – Мы замерзнем до смерти.
- Неа. Я тебя согрею. Обещаю.
- Ее глаза блестят.
- О-о-о-о! И как ты это сделаешь?
- Я указываю на заднее сиденье.

– Перебирайся туда и устраивайся поудобнее. У меня есть кое-что славное в багажнике для нас.

Пока она перебирается через панель управления, я выпрыгиваю наружу и снова вдыхаю леденящий ночной воздух. Снежинки танцуют вокруг моей головы и прилипают к щекам, когда я выхожу на ветер и обхожу внедорожник. Во всех автомобилях, которые у меня были, я держал аварийный комплект, и в этом – тоже. Я вырос в Новой Англии, я знаю, как это бывает. Одеяло, свечи, вода – обычный набор выживальщика. Но кроме того, я взял нечто особенное для нашей новогодней поездки.

– Держи, – кричу я, пропихивая толстое овечье одеяло в проем между багажником и задним сиденьем.

– Спасибо! – кричит она в ответ.

Я закрываю холщовую сумку и запираю багажник, затем еще четыре секунды страдаю от снега и ветра, прежде чем скользнуть на место рядом с Грейс.

– Черт, холодно, – ворчу я.

Она уже забралась под одеяло и приподнимает его, чтобы я мог присоединиться к ней. Для меня это одеяло слишком маленькое, так что мои ботинки выглядывают из-за края, но мне все равно. Все, чего я хочу – обнять мою девушку.

– Что в сумке? – спрашивает она с любопытством.

– Прежде всего – это. – Я вытаскиваю бутылку дешевого шампанского. – Тут винтовая пробка, – говорю я с печальной улыбкой. – Ты знаешь, я бы предпочел хороший выстрел

пробкой, но не хотел стрелять ею в стены отеля.

Грейс хихикает.

– Стрелять пробкой? Звучит так грязно.

– Кроме того, я не взял никаких бокалов, думал, мы будем пить в нашей комнате. Так что, полагаю, придется пить прямо из бутылки.

– Изящно!

– Эй, я сын механика. Вырос с маслом и мазутом на лице и руках и... в самом деле. – Я пожимаю плечами. – Я и правда был все время в масле.

– Круто.

Я изгибаю бровь.

– Да неужто?

– Ты шутишь? Я бы приплатила, лишь бы натереть тебя *всего* маслом. Все эти блестящие мускулы... – Она дрожит, и я знаю, что это не от холода. Я делаю себе зарубку на память: Грейс хочет увидеть меня всего в масле. Думаю, в следующий раз я смогу это устроить. Я ведь хочу посвятить себя тому, чтобы ей было хорошо. Чего бы ни стоило порадовать ее, я справлюсь с этим.

– Откроем эту крошку сейчас или подождем до полуночи? Она обдумывает это.

– Давай подождем. Будет не так удручающе, если мы, по крайней мере, будем пить шампанское, когда часы будут бить двенадцать.

– Удручающе? Это романтично. – Я притягиваю ее к се-

бе. – Иди ко мне.

Секунду спустя мы прижимаемся друг к другу, моя рука обнимает ее за плечи, ее щека прижимается к моей груди. В машине все еще тепло, и у нас есть жар наших тел, но тепло сохраняется еще минут пятнадцать. Пока Грейс рассказывает о новостном шоу, которое она продюсирует для Брайара, я замечаю, что ее дыхание начинает вырываться белыми клубами.

– Одну секунду, – прерываю я, протягивая руку к переднему сидению. – Давай включим отопление ненадолго.

Этим мы и занимаемся следующий час: прогреваем машину, выключаем обогрев для экономии бензина, затем снова включаем, когда начинаем дрожать.

– Мне кажется, есть получше способ согреться, – говорит Грейс после того как я выключаю отопление в миллиардный раз.

– Хм-м-м? – Я по-волчьи ухмыляюсь ей.

– Это не то, что я имела в виду, но... – Она улыбается в ответ. – Это неплохая идея.

Соглашаюсь, а затем, когда я зарываюсь пальцами ей в волосы, запрокидываю ее голову и накрываю ее губы своими.

Мне нравится целовать ее. Иногда, когда я пытаюсь заснуть в самолете во время перелета команды или когда в раздевалке мои мысли блуждают, я вспоминаю, как мы с Грейс поцеловались впервые. Я случайно заскочил в ее комнату в общежитии, думая, что это – комната моего приятеля. Вме-

сто этого я наткнулся на первокурсницу, которая смотрела «Крепкий орешек» и ела конфеты. Я присоединился к ней, ведь, почему бы и нет? Она была милой, а мне было скучно. Но каким-то образом все перешло от просмотра фильма к поцелуям. Моя рука спустила ее штаны, ее – мои.

Черт, это была хорошая ночь. Когда я по ошибке постучал не в ту дверь, я не думал, что влюблюсь в девушку, которая будет за этой дверью. Или что мы будем делить квартиру, постель. Строить совместную жизнь. И вот мы здесь, на заднем сиденье нашего просторного «Мерседеса», и она падает на локти, тогда как я опускаюсь на нее. Ее пальцы вплетаются в мои волосы, нетерпеливый язык скользит в рот.

– Твою мать, – шепчу я ей в губы. – Ты понятия не имеешь, что ты со мной делаешь.

Она прерывает наш поцелуй.

– Что я с тобой делаю? – шепчет она.

– Очевидно, превращаешь меня во что-то свирепое. Но, кроме того... – Я замолкаю. Так сложно выразить это словами. – С тобой я чувствую...

Я замолкаю, застонав от разочарования, мне никогда не удастся выразить свои мысли. Передать эмоции словами.

– С тобой я чувствую все, – наконец признаюсь я. – Ты заставляешь меня улыбаться. От тебя у меня стоит. Ты сводишь меня с ума. – Мой голос слегка срывается. – С тобой я чувствую себя в безопасности.

– *Со мной* ты чувствуешь себя в безопасности? Ты ведь

знаешь, что ты в тысячу раз больше и сильнее меня, да?

– Это другое, – хрипло говорю я. И потом вновь целую ее.

Когда я расстегиваю ее куртку и запускаю ладони под ее вязаный свитер, она вздрагивает достаточно сильно, чтобы остановить мои блуждающие руки.

– Слишком холодно? – озабоченно спрашиваю я.

– Нет, слишком *хорошо*. – Она немного запыхалась. – Люблю, когда ты ко мне прикасаешься.

– Хорошо, потому что я люблю прикасаться к тебе.

Мои ладони скользят вверх, чтобы обхватить ее груди, большими пальцами я играю с ее сосками. Эти бутоны заставляют меня застонать. Я задираю ее свитер и жадно беру в рот один сосок. Грейс стонет, когда я начинаю посасывать его. Она держит меня за затылок, прижимая к своей мягкой плоти. Я не могу удержаться от того, чтобы не начать тереться своим ноющим членом об ее живот, пока я посасываю ее грудь. Тем временем моя рука опускается к поясу ее плотных леггинсов.

Я поднимаю голову от ее груди и говорю:

– Я хочу тебя трахнуть.

Грейс стонет в ответ.

– Это да? – спрашиваю я с мрачным смешком.

– Это всегда да.

Я точно знаю, что это значит. Я мог быть в самом отвратительном настроении, мог пережить худший день в своей жизни, но одна улыбка Грейс, одно хриплое да может пере-

вернуть все на свете. Все, что ей нужно сказать: «Я хочу твой член» – и я дам ей его.

Я запускаю руку в ее трусики, чтобы увидеть, что она уже теплая, влажная и готова принять меня. Она двигает бедрами, прижимаясь ко мне, и от этих сексуальных движений моя ладонь становится скользкой.

– О боже, – выдыхаю я. Я убираю руку и расстегиваю штаны, спуская их вниз, чтобы освободить свой член. Он прижимается к бедру Грейс, и она тут же обхватывает его пальцами.

– Обожаю, – выдыхает она, крепко сжимая меня.

– Черт возьми, да, – рычу я в ответ.

Затем я вынимаю член у нее из рук и направляю его меж ее ног. Трусики у нее даже не сняты – они запутались у нее в коленях. Но, к счастью, они легко тянутся. Мои спущены достаточно, чтобы обнажить задницу.

Мы оба ахаем, когда я погружаюсь в нее. Поскольку мы полностью моногамны, а она – принимает таблетки, мы давно перестали пользоваться презервативами, и нет лучшего чувства, чем погрузиться в Грейс обнаженным. Киска у нее тугая и гостеприимная, любимое мое место во всем мире.

– Так хорошо, – выдыхаю я в ее шею.

Она тянет меня за волосы, и наши губы снова соприкасаются. Мой язык – у нее во рту, а я двигаю бедрами, погружаясь в нее так глубоко, как только могу. Но неудобное положение позволяет делать только быстрые, неглубокие толчки.

Мой член жаждет погрузиться глубже, но это нереально. И когда Грейс начинает стонать и беспокойно приподниматься навстречу каждому толчку, я понимаю, что мои неглубокие толчки достигают нужного места. Точка «джи». Славно. Когда я достаю до этой точки, оргазмы у нее всегда сильные. Я чуть меняю наклон бедер, чтобы толкнуться в эту точку еще сильнее, и она закатывает глаза.

– О боже, – молит она. – Продолжай. Продолжай.

И я продолжаю, вколачиваясь в ее плотный жар, а выражение лица Грейс становится все более и более блаженным. Меня окружает тепло ее киски. Ее рот приоткрыт, прерывистое дыхание вырывается наружу. Ее глаза на мгновение закрываются, затем распахиваются, взгляд встречается с моим. Чистое наслаждение, которое я вижу, перехватывает мое дыхание.

– Вот так, – я ускоряюсь. – Кончи для меня.

Я продолжаю трахать ее, наблюдая, как ее взгляд становится все более и более мутным. Когда она стонет, я проглатываю звук обжигающим поцелуем, чувствуя, как она пульсирует и сжимается вокруг меня. Горячая дрожь пробегает по моему телу. Сделать ей хорошо – лучшее чувство в мире. Это запускает мою собственную разрядку, и я кончаю со сдавленным стоном, яйца покалывает, а грудь вздымается. Чтобы восстановиться, нам требуется до смешного много времени. Мы просто лежим, все еще полностью одетые, мой член – в ней, ее руки обвиты вокруг меня, пока мы пытаемся

восстановить дыхание.

– Ладно, – сонно говорит Грейс. – Теперь можем замерзнуть до смерти.

Глава девять

Грейс

23.59

– Еще одна минута! – восклицает Логан.

Клянусь, он один из тех немногих моих знакомых, кто все еще умилительно ждет Нового года. Что касается меня, то я никогда особо не беспокоилась о том, как проводить этот праздник, с годами мой интерес к нему стал меньше.

Но мой парень счастливо улыбается, наблюдая, как часы на телефоне отсчитывают последние секунды. Благодаря метели, бушующей за окнами, оба наших телефона уже давно не ловят сигнал, но, по крайней мере, батареи все еще держат заряд.

Бутылка шампанского застыла в руке Логана. Внезапно он обеспокоенно оглядывается.

– Кто сделает первый глоток? – требовательно спрашивает он. – У нас нет бокалов!

– Ты, – милостиво разрешаю я.

– Уверена?

– Полагаю, уверена. Мне бы, конечно, хотелось, но... – На самом деле мне плевать, кто сделает первый глоток в Новом году. Но если я заставлю его думать, будто делаю ему огром-

ное одолжение, то смогу напомнить ему об этом в следующий раз, как он отклонит мой выбор фильмов на «Нетфликсе». – Все нормально. Пей.

Он практически сияет. Как же мало этому человеку нужно для счастья.

– Тридцать секунд, – предупреждает он. – Сядь ровно, женщина.

Я подавляю смешок и выпрямляюсь. Взгляд Логана прикован к телефону.

– Обратный отсчет. Я ожидаю радостных криков. Готова, детка?

– Конечно. Но зачем нам кричать...

– ДЕСЯТЬ!

О боже.

– ДЕВЯТЬ! – кричит он, жестом побуждая меня присоединиться.

И поскольку я люблю этого парня всем своим сердцем, я доставляю ему радость, вопя вместе с ним. Мы заканчиваем отсчет криком: «ОДИН!», Логан орет: «С Новым годом!» и крепко целует меня.

Я отвечаю на поцелуй и отстраняюсь шепнуть:

– С Новым годом, Джонни.

– С Новым годом, Грейси.

С улыбкой маленького мальчика он подносит бутылку к губам и делает первый глоток шампанского.

02.00

Эвакуатора все еще нет.

Прошло несколько часов с тех пор, как часы отсчитали полночь, и мы с Логаном уже выпили бутылку шампанского. Теперь мы пьяны, нам тепло на заднем сиденье, и мы рассказываем друг другу истории из детства. Его рассказам не хватает легкомыслия моих историй, но это и не удивительно.

Родители Логана разведены, а его отец – выздоравливающий алкоголик, так что у него было не самое легкое детство. Но у него есть несколько хороших воспоминаний о брате. Мои родители тоже развелись, но они остались добрыми друзьями, так что мои семейные истории намного счастливее.

Когда мы смеемся, обжимаемся и делимся воспоминаниями, мы постоянно прижимаемся друг к другу. Он гладит меня по волосам. Я играю со щетиной на его массивном подбородке. Его усы царапают мои пальцы, и когда он с сожалением говорит, что ему нужно побриться, я не соглашаюсь. Я считаю, он сексуальный и мужественный, я не могу прекратить прикасаться к нему. Так было с того момента, как мы встретились. Я, первокурсница колледжа, до смерти влюбилась в Джона Логана, и с тех пор он не покидал меня.

Надеюсь, он никогда меня не покинет.

– Как ты думаешь, они когда-нибудь приедут? – спрашиваю я, прижимаясь носом к холодному окну. За стеклом мир – бесконечный снежный вихрь.

– Они сказали «шесть часов», – напоминает он. – Шесть

часов еще не прошло.

– Пять с половиной.

– Пять с половиной – не шесть.

– Но почему их все еще нет? – хнычу я.

– Потому что шесть часов еще не прошло!

– Прекрати повторять это!

Логан раздражается смехом, тогда как я с несчастным видом все еще смотрю в окно.

– Что, если мы умрем от голода?

– Не умрем, – отвечает он.

– Что, если мы умрем от переохлаждения и... о боже, до меня только дошло. Что, если мы наказаны?

Он вздыхает.

– Ладно. Я купился. За что наказаны и кем?

– Александром! За то, что мы его ненавидим. Что, если он это сделал? – Я вдруг задыхаюсь. – Боже мой, Логан, думаешь, Вилли чувствовал именно это, когда лежал на дне того оврага со сломанной ногой? До того, как его дух вошел в Александра? Как ты думаешь, он знал, что умирает?

Логан молчит мгновение. Затем кивает.

– Я принял решение игнорировать тебя следующий десять минут или сколько мне понадобится, чтобы ужас покинул мое тело.

02:42

Я отрываю взгляд от окна и выпускаю долгий унылый

вздых.

– Ладно, думаю, пора.

Он хмурится.

– Пора что?

– Заключить договор.

– Какой договор?

Я натягиваю одеяло плотнее на нас.

– Мы можем застрять тут на дни. Даже на недели.

– Не будет ни дней, ни недель, безумная женщина.

Я упрямо вздергиваю подбородок.

– Все *возможно*. И если это случится, есть большая вероятность, что мы умрем от голода или переохлаждения, как Вилли на калифорнийской тропе. И если мы не решимся на одновременное убийство или самоубийство, очевидно, что один из нас умрет раньше. Так что, если это случится, нужно заключить договор.

– Что за гребаный договор? – рычит он.

– Если мы столкнемся с голодом, то оставшийся в живых должен съесть умершего.

Логан таращится на меня.

– Что? – защищаюсь я. – Это вопрос выживания.

– Ты хочешь, чтоб мы друг друга съели?

– Ну, не друг друга. Только одному из нас придется сделать это. И я просто хочу, чтобы ты знал, если я умру первой, я разрешаю тебе съесть меня. Делай все, что нужно, чтобы выжить. Я не стану тебя осуждать.

Он пялится на меня.

– Так мы договорились? Живой ест мертвого. И в аварийном комплекте есть швейцарский нож. О, и я думаю, что лучше всего начинать с задницы. Там больше мяса.

– Нет, – решительно отвечает он.

– Да, – настаиваю я. – Задница – лучшая часть...

– Нет в том смысле, что я не отрежу кусочек твоей сладкой задницы и не буду его есть, – уточняет он. – Я бы предпочел, чтобы мы просто умерли в объятиях друг друга, как старики в каютах «Титаника».

Я разочарованно качаю головой.

– Хорошо, не соглашайся. Но я все равно настаиваю.

– Пакт требует согласия обеих сторон, – говорит он.

– Не тогда, когда моя *жизнь* на кону. – Я показываю язык. – Извини, детка, но я съем твою задницу, нравится тебе это или нет.

Я не осознаю, как скверно это все сформулировала, пока слова не слетают с моих губ, что заставляет меня завопить, а у моего парня – вызывает приступ смеха.

03:02

– Ладно, очевидно, прошло уже четырнадцать часов...

– Шесть, – поправляет Логан.

– ...и их все еще нет. – Я едва не прокусываю зубами щеку изнутри. – Я не думаю, что они нас найдут.

– У них есть наше точное местоположение.

– Да, но машина покрыта снегом. Они нас не увидят. И потом, когда метель прекратится, нам нужно будет откапываться. – Я бросаю на него серьезный взгляд. – Ты обязан согласиться на договор.

– Никогда. И нам не придется откапываться. Все будет в порядке. – Но мои опасения побуждают его к действию. Он тянется к ручке двери и ругается, когда ему требуется несколько сильных толчков, чтобы открыть ее. – Сейчас вернусь.

– Что ты собираешься делать?

– Откину снег, чтобы они смогли увидеть машину. И теперь лучше включить аварийку. Кавалерия может прибыть в любой момент.

Я начинаю выбираться из-под одеяла.

– Я помогу.

– Ни за что. Там слишком холодно. Оставайся тут.

Он выходит и начинает отбрасывать снег, пока с той стороны окна не показывается его красивое лицо. Его черты сосредоточены, что заставляет меня улыбнуться. Не важно, что делает Джон Логан, он делает это, сосредоточившись на сто десять процентов.

Пятнадцать минут спустя он возвращается в машину, стряхивая с себя снег, как собака после купания. Он забирается под одеяло, и я пытаюсь согреть его.

– Спасибо, – бормочет он, его широкая фигура дрожит в моих руках.

– О, детка. – Я потираю его спину в попытке согреть.

На самом деле это не помогает, поэтому я принимаю ответственное решение включить обогрев, хотя знаю, что так мы расходует наш запас бензина и сажаем аккумулятор.

03:46

– Эвакуатора все еще нет. Они опаздывают почти на час, и я боюсь за наши жизни. Кто знает, может, они не приедут. Мы можем застрять тут навсегда. Наши тела найдут через многие годы и...

– Ой, может, уже прекратишь? – Логан берет телефон из моей ладони и обращается к камере: – Мы не умрем. Мы в полном порядке. – Он замолкает на мгновение. – Но если мы вдруг действительно умрем, мам, я люблю тебя, я хочу, чтобы ты знала, ты лучшая...

– Эй! – Я толкаю его в плечо. – Прекрати использовать мою батарею для *своих* прощаний. Ты даже не веришь в то, что мы умрем. – Я выхватываю телефон и говорю в него: – Он даже не захотел заключать со мной соглашение, ребята! Ну что это за парень? Я предлагаю ему средство выжить, а он не хочет меня есть!

Губы Логана вдруг прижимаются к моей щеке.

– Хочешь, чтобы я тебя съел? – вкрадчиво говорит он. – Я, мать твою, съем тебя, детка.

– Джон, – в ужасе выдыхаю я. Смотрю в камеру. – Папа, притворись, что ты этого не слышал!

Затем я останавливаю запись, и мы с Логаном начинаем целоваться, в то время как вокруг машины продолжает падать снег.

04:22

– Ну вот и кончился наш бензин, – замечает Логан, когда обогреватель выпускает последнюю струю горячего воздуха. Эвакуатор еще не приехал, а у нас уже кончился бензин.

– Предложение съесть меня после того, как я умру, все еще в силе, – говорю я ему. – Вот как сильно я тебя люблю. Он вздыхает.

04:49

Я свернулась калачиком в сильных руках Логана, сонная и довольная, пока его длинные пальцы играют с моими волосами.

– Я так скучал по этому, – бормочет он.

Я поворачиваю голову взглянуть на него.

– По чему?

– Обнимать тебя. Быть с тобой.

В горле встает ком.

– Я тоже.

Тишина повисает между нами. Последние несколько лет молнией проносятся перед глазами. Как мы впервые встретились. Все изменения в наших отношениях с тех пор, как Логан окончил Брайар. Когда он играл за бостонскую коман-

ду, я думала, что *это* напряженный график. Но теперь он в профессиональной лиге, и его расписание в тысячу раз напряженнее.

Я протягиваю руку погладить его четко очерченный подбородок.

– Ни с кем, кроме тебя, я бы не хотела замерзнуть до смерти.

Его грудь сотрясается от смеха.

– И я тоже, красотка.

05:13

Я резко просыпаюсь от звука гудка. Логан спихивает меня с себя и тянется к двери.

– Думаю, они тут, – говорит он.

Я тут же сажусь.

– Как раз вовремя! Такое чувство, что они опоздали на восемнадцать часов.

– На два, – поправляет он, улыбаясь мне.

– В метельном измерении – восемнадцать.

– Королева драмы. – Он смеется и выскакивает из машины прежде, чем я успеваю возразить.

Я застегиваю куртку, выхожу вслед за ним, и мое сердце тут же радостно подпрыгивает. Два луча света взрезают непроглядную тьму ночи. Или, скорее, утра.

Я замечаю фигуру, а затем мужской голос доносит ветром с вершины склона:

– Это вы звали на помощь?

Глава десять

Логан

После быстрой остановки для дозаправки и сообщения владельцам отеля о том, что мы уже едем, мы с Грейс возвращаемся на дорогу. Этим утром она совершенно пустынная. Я подозреваю, что все еще спят после празднования и проснутся с невыносимым похмельем.

У нас с Грейс похмелья нет, но выглядим мы соответственно. Выглядим так после ночи, проведенной в скорченном состоянии и дрожа на заднем сидении. И все же, несмотря на туман в глазах и боль в теле, это была одна из лучших ночей в моей жизни. Встретить Новый год с Грейс, бутылкой шампанского и соглашением съесть друг друга.

Я усмехаюсь, вспомнив это.

– Что смешного? – спрашивает она с пассажирского сиденья.

– Прошлая ночь. – Я криво усмехаюсь. – Просто думал, насколько это все было забавно.

– Забавно? Мы едва не умерли.

– Вовсе нет. – Я замечаю знак нашего отеля и включаю поворотный сигнал. – У нас было приключение.

Совет, который дал мне Гаррет на прошлой неделе, был

точен. Проводите вместе как можно больше времени, отправляйтесь в приключения и создавайте общие воспоминания. Возможно, прошлая ночь прошла не так, как планировалось, но мы все равно отлично провели время.

– У меня есть для нас соглашение получше, – объявляю я. Грейс фыркает.

– Лучше, чем каннибализм? Что-то я сомневаюсь, дорогой.

Я невольно смеюсь.

– Поверь мне, *дорогая*, намного лучше.

– Ладно, порази меня.

– Вот это соглашение, – я показываю на нас.

– В смысле?

Мой тон смягчается.

– Ты и я. Мы договоримся, что будем проводить вместе столько времени, сколько возможно. Мы не позволим нашему расписанию контролировать наши отношения. Если времени нет, мы его найдем. – Я вздрагиваю, когда слышу, как срывается мой голос. – Хоккей не имеет значения. Учеба, работа. Ничто не имеет значения, если мы выбиваемся из сил. Если мы не можем быть вместе.

Я точно так же вздрагиваю, когда на глаза моей девушки наворачиваются слезы.

– Твою мать, – бормочу я. – Я не хотел доводить тебя до слез.

– Все в порядке. – Она вытирает щеки. – Просто... ты

прав. Все остальное не имеет значения. Да, у нас есть обязанности на учебе и на работе, но у нас есть ответственность перед собой и нашим счастьем. Я не счастлива, когда мы не вместе.

– Я тоже, – хрипло говорю я. – Вот почему мы должны придерживаться соглашения. Ты и я, вот что имеет значение. Думаю, в тот момент, когда один из нас почувствует себя несчастным в отношениях или если мы почувствуем, что расстояние и разлука влияют на нас негативно, то при первой же возможности мы должны сделать нечто подобное.

– Застрять посреди метели? – поддразнивает она.

– Отправиться в приключение, – поправляю я. – Так что скажешь... договорились?

Она не медлит.

– Договорились.

Снег хрустит под шинами, когда я еду по узкой дорожке, ведущей к отелю типа «постель и завтрак». Прошлой ночью выпала тонна снега, окрасив все вокруг в белое. Это прекрасно. И женщина, сидящая рядом, тоже.

– Мы сделали это, – говорю я, притормаживая перед причудливым двухэтажным зданием. Я поворачиваюсь одарить Грейс торжествующей улыбкой.

Входная дверь отеля распахивается, и появляется пара лет пятидесяти с небольшим. Они одеты в парки и закутаны в шарфы, женщина держит две огромные кружки, от которых поднимается пар.

– Джон и Грейс? – спрашивает мужчина, когда мы выходим из машины.

– Это мы, – кричу я в ответ.

– Извините, что мы так рано утром, – говорит Грейс.

Женщина отмахивается от этого.

– О, не надо, не извиняйтесь! Мы просто счастливы, что вы добрались сюда целыми и невредимыми. Эта вчерашняя метель! Боже мой, это было так ужасно. – Она протягивает кружки. – Немного горячего чая. Я подумала, вам это понадобится.

– Спасибо. – Грейс с благодарностью принимает одну из кружек.

Я беру другую, радуясь облаку пара, которое согревает мое лицо.

– Как вы уже, наверное, поняли, мы ваши хозяева, – говорит женщина. – Я Аманда, а это мой муж, пастор Стив.

– Мы очень рады, что вы добрались до нас, – говорит ее муж. – Пусть даже ненадолго. – Он робко улыбается мне. – Я твой большой поклонник, сынок.

Не буду врать, похвала никогда не надоедает.

– Благодарю вас, сэр. И я... прошу прощения, но ваша жена представила вас, эм... – Я чуть не говорю «странно». – Неясно, – заканчиваю я. – Нам называть вас Стив или пастор?

– Все равно, – весело отвечает он.

– Вы пастор? – спрашивает Грейс после очередного жад-

ного глотка чая.

– Именно так. Я возглавляю небольшую общину тут, в нашем маленьком поселении.

Его жена смотрит с гордостью.

– Он скромничает! Он помогает практически каждому жителю в округе Боуэн.

Я изучаю теплые карие глаза Стива, затем бросаю взгляд на Грейс. Задумчивый. Разве буквально только что мы не говорили о том, чтобы использовать все шансы, которые нам выпадают?

– Что? – Таким тоном она говорит, когда подозревает, что я что-то задумал.

Я слабо улыбаюсь ей, прежде чем снова повернуться к пастору.

– Просто из любопытства... – Моя улыбка становится шире. – Вы можете нас обвенчать?

Часть вторая

Предложение

Глава один

Дин

– Элли, с чего мне вообще начать? Подводя итог: ты невероятна. С того дня, как мы встретились, я знал, что нам суждено быть вместе... Ладно, ладно, нет, у тебя был парень, когда мы встретились, а я был кобелем. Но. С того дня, как мы переспали... дерьмо, нет, это был перепихон на одну ночь, и тебе было стыдно, и ты не разговаривала со мной несколько дней...

Я вздыхаю и вновь собираюсь с мыслями.

– С того дня, как ты вновь приняла меня после нашего расставания, потому что я был засранцем, обкурился и пропустил твою игру.

Нет. Так тоже ужасно. Я пробую заново.

– Элли. Я даже не знаю, с чего начать.

– Это очевидно, – сухо замечает Гаррет. – Кстати, мой ответ – нет и закрой уже эту коробку.

Я смотрю на открытую коробочку в своей руке, всю из плюшевого синего бархата и сверкающую бриллиантами, стараясь подавить свое разочарование. Я все еще стою на коленях перед Гарретом, бывшем соседом по комнате в колледже и моим лучшим другом на всю жизнь, в гостиной его дорогого бостонского особняка, в то время как еще один наш лучший друг с удовольствием наблюдает за этим с дивана.

– А я не против, – откровенно говорит Логан. – Это добавляет искренности, которой не хватает большинству предложений.

– Это было ужасно, – поправляет Гаррет. – И я за тебя не выйду, Дин Хейворд Ди Лаурентис. Извини, что говорю тебе это. А теперь давай заново.

– Ладно. – Обычно я не позволяю Г вертеть мною вот так, но я – человек, выполняющий важную миссию. Нельзя вслепую бросаться в нечто подобное.

Так что, еще раз, я занимаю свою позицию. Одно колено. Бархатная коробочка в руке. Это моя третья попытка сделать предложение, поскольку, оказывается, трудно угодить Гаррету Грэхему. Мне интересно, Ханне с ним так же сложно?

– Элли, – начинаю я.

– Смотри мне в глаза, – приказывает он.

Я сцепляю зубы и смотрю в его серые глаза.

– Прекрати щуриться.

Я распахиваю глаза.

Логан усмехается.

– Чувак, ты выглядишь одержимым. Сморгни.

Я моргаю.

– Элли, ты лучшее, что случилось со мной в жизни, – начинаю я, не сводя взгляда с Гаррета.

– И это правда, – замечает Логан.

Я поворачиваю голову к нему.

– Без комментариев, придурок. Вы, ребята, должны обеспечивать обратную связь.

– Я предлагаю. Моя обратная связь: она – лучшее, что когда-либо случилось с твоей жалкой задницей. Без этой женщины ты бы все еще пытался найти свое место в жизни, защищался в зале суда, водил «Ламборгини» или какую-нибудь другую отвратительную спортивную машину, и... знаешь, что? Это звучит не так уж плохо. Может, тебе не нужно жениться на ней.

Гаррет фыркает от смеха.

Я просто вздыхаю. Эти два идиота вместе с нашим другом Такером, на чью свадьбу я приехал в город, ближе мне, чем мой собственный брат. А это говорит о многом, потому что мы с моим братом Ником чертовски близки. Но они правы. Я не знаю, как бы выглядела моя жизнь без Элли. До нее я следовал по стопам родителей и учился в Гарвардской юридической школе, что мне не нравилось. У меня не было постоянной девушки. Та, с которой я встречался в старших классах, попыталась покончить с собой после того, как я порвал с ней, и, не буду лгать, это меня напугало.

Но затем одна случайная встреча перевернула всю мою жизнь. Элли Хейз – все для меня. Мы вместе уже почти четыре года, и, без сомнения, для меня она та, на которой я собираюсь жениться, с которой я заведу детей и состарюсь. Раньше я никогда не спешил делать предложение, но в последнее время я испытываю непреодолимое желание начать двигаться дальше. Знать, что мы продвигаемся в наших отношениях. И, да, теперь, когда Такер и Сабрина наконец-то связывают себя узами брака и мы все собрались в Бостоне, чтобы отпраздновать это с ними, я думаю, что у меня – свадебная лихорадка. Не знал, что подобное бывает с парнями, но вот я тут. Я вдруг вчера утром обнаружил, что выбираю кольцо от «Тиффани», и с тех пор уже не оглядывался назад.

– О'кей, Элли, – снова пытаюсь я, глядя в ожидающие глаза взрослого мужчины. – Я люблю тебя. Я люблю в тебе все. Я люблю твое чувство юмора. Мне нравится, как ты мелодраматична...

– Вето, – прерывает Гаррет. – Нельзя оскорблять ее, делая предложения.

– Но это комплимент, – протестую я. – Я люблю драму.

– Он прав, – вклинивается Логан. – Я сказал Грейс, что она драматизирует, когда мы застряли на Новый год, и она вышла из себя. – Он помолчал. – Ну, технически, она вышла из себя потому, что я отказался есть ее задницу.

– Прости, что? – вежливо спрашивает Гаррет.

– Это не то, что вам кажется. – Он коротко смеется. – Она

хотела, чтобы я пообещал ей, что если один из нас погибнет посреди метели, то другой его съест.

Г кивает.

– О. Обожаю этот фильм.

Логан смотрит с непониманием.

– Ну, знаешь, этот. О футбольной команде или типа того, самолет которой разбился в горах, и они ели друг друга, чтобы выжить. Это так трогательно.

– Похоже на то, – сухо отвечаю я.

– Да, именно так, – говорит Логан Гаррету. – Но я не стал обещать ей этого, и она разозлилась. К счастью, это не помешало ей... – Он резко замолкает.

– Не помешало чему? – подталкиваю я.

Логан проводит рукой по своим взъерошенным волосам. На секунду мне кажется, что он нервничает. Но затем на его губах появляется волчья усмешка.

– Тому, чтобы провести весь первый день нового года в постели со мной. Как бы там ни было. Поверь мне, девушки не любят, когда их называют королевами драмы.

Я на секунду задумываюсь над предложением Грейс.

– А ты бы съел *меня*, если бы я умер первым? – спрашиваю я его.

– О, безусловно. И тебя тоже, Г.

– Ты бы съел нас, чтобы не умереть с голоду, – заинтригованно спрашивает Гаррет, – но не стал бы есть свою девушку?

– Я бы не смог. Это кажется совершенно неправильным. Мысль о том, чтобы резать ее идеальную плоть... – Он содрогается. – Нет, не могу. Я лучше умру. И если она умрет, я умру вместе с ней. Я не могу жить без нее.

– Вот, – говорит Гаррет, тыкая в меня пальцем. – Вот что ты скажешь.

– Что я не смогу разрезать и съесть ее идеальное тело?

– Нет. Что ты не можешь жить без нее. Что жизнь не стоит того, если она не с тобой, бла-бла-бла.

Наконец, какое-то направление.

– Понял, – говорю я. – Так. Давайте с начала.

На этот раз я веду подачу «не могу жить без тебя», тогда как Гаррет прижимает руки к сердцу, кивая. Воодушевленный его ответом, я спешу дальше.

– Я не хочу быть ни с кем другим. Не хочу трахать никого другого. Я люблю каждый дюйм твоего тела, и мне не терпится провести весь остаток своей жизни, глядя на тебя, обнаженную...

– Нет! Ты сошел с рельсов, – упрекает Гаррет. – Это слишком сексуально. Сексуальность не играет никакой роли в предложении.

– Не согласен, – вклинивается Логан. – Я бы сказал, стоит нажать на сексуальность.

– Не слушай его.

– Еще сексуальнее, – возражает Логан.

– Менее, – огрызается Гаррет.

Мой взгляд мечется между ними, в висках начинает пульсировать. Это невозможно. Не знаю, как вообще я справлюсь с этим предложением. Я плохо разбираюсь в романтике. Я умею управляться с грязными словами, говорю ей их, когда хочу свести ее с ума. Я умею говорить Элли, что люблю ее, потому что люблю. Я люблю ее всем своим сердцем. Почему предложение должно включать в себя целую чертову речь?

– Знаешь что, попробуй на мне, – предлагает Логан. – Г, очевидно, не благосклонен к предложениям.

– Ой, завались, я отличный объект для предложения. Просто предложение отстойное. Я не буду соглашаться на то, что меня не удивляет.

– Иди и удивляйся сам, – ворчу я, поднимая средний палец.

– Я удивляюсь. Каждый день, как смотрю в зеркало.

Мудак. Он неисправим. Хотя его огромное эго не совсем необоснованно. Есть причина, по которой он четыре года был главной персоной в кампусе Брайара. Сам Гаррет Грэхем, постоянно окруженный жаждущими девушками. Конечно, я забивал шайбу намного чаще, чем он, потому что Гаррет всегда был слишком занят хоккеем и давал это понять любой цыпочке, которая пыталась завязать с ним серьезные отношения. Он трахался, но не так часто, как я или Логан. Но для него это сработало. Его преданность хоккею обеспечила ему контракт с «Брюинз», и теперь он – один из самых высокооплачиваемых хоккеистов в лиге, и у него есть

девушка, которую он обожает.

Что для меня дико, так это тот факт, что Г и Logan – снова в одной команде. Четыре года в колледже они играли вместе, затем на два года их пути разошлись, только чтобы Logan попал в команду Бостона – в то же самое время, что и Гаррет. Кстати о прозорливости. Вроде так – я всегда неправильно употребляю это слово.

– Как единственный тут, кто успешно написал стихи для женщины, я думаю, что лучше всего подготовлен к оценке предложения, – говорит Logan, отвлекая меня от моих мыслей.

Гаррет закатывает глаза.

– Успокойся, Шекспир.

– В этом есть смысл, – говорю я Гаррету.

– Видишь? – Logan подманивает меня пальцем. – Иди сюда, большой мальчик.

Я хихикаю, неуклюже перебираясь к нему. Он садится прямее, свесив длинные ноги с дивана. На нем джинсы и черная рубашка с длинными рукавами, и когда он наклоняется вперед, я улавливаю его запах и киваю одобрительно.

– Черт, хорошо пахнешь, чувак. Что это?

– У меня закончился мой гель для душа, и я пользуюсь гелем Грейс, – отвечает он с улыбкой. – Чертовски вкусно пахнет, а?

– О, да. Я теперь понимаю, почему Гаррет пробирается в твой гостиничный номер для всех этих тайных встреч как

«мужчина с мужчиной».

– Завидуешь? – ухмыляется Гаррет.

Улыбаясь, я занимаю позицию, в миллионный раз открывая коробку.

Бриллиант сверкает в свете лампы над нашими головами, заставляя Логана вытаращиться на меня.

– Боже, эта штука такая блестящая. Она прожжет дыру в моей сетчатке. Он не сиял так ярко, когда ты был на другом конце комнаты.

Я самодовольно киваю.

– Я знаю, как выбирать такие штуки.

– Эта штука ужасна. Ты уверен, что у Элли достаточно сильные руки, чтобы выдержать ее вес?

– Поверь мне, мы уже обсуждали с ней обручальные кольца. Ей нравятся большие. – Я подмигиваю. – И кольца тоже.

Гаррет фыркает. Подходит ближе и устраивается в кожаном кресле.

– Ладно, серьезно, чувак. Ты должен сделать это хорошо.

Я борюсь с желанием хрустнуть костяшками пальцев, как делаю это перед важной игрой. Ладно, я смогу.

– Элли, – говорю я Логану. – Я так тебя люблю. Ты изменила всю мою жизнь, когда решила благословить меня своей любовью. Ты сделала мой мир лучше.

– Сексуальнее, – бормочет Логан.

– Каждый раз, когда я вижу тебя, мое сердце готово взорваться. – Я делаю паузу. – Как и мой член.

Краем глаза я замечаю, как Гаррет сотрясается от смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.